

Рос 4-4
1-105

ПРОБУЖДЕНИЕ

ПРОБУЖДЕНИЕ

ОРГАН СВОБОДНОЙ МЫСЛИ

СОДЕРЖАНИЕ № 21-22:

- Анархисты и современный мировой кризис — М. НЕТТЛАУ
 Анархическая работа во время революции П. А. КРОПОТКИН
 Как началось революционное движение во Франции ЖАН ГРАВ
 П. Аршинов и "Пробуждение" — — — — М. НЕТТЛАУ
 Кандидат в чекисты — — — — — ДЕЛЬТА
 День труда — — — — — АНАТОЛИЙ ГОРЕЛИК
 Анархисты в Петербурге в 1917 году — — — — Ф. ДРУГОВ
 Свобода и самообразование — — — — — ВАНДА СВИДА
 Отчет Федерации групп "Пробуждение".

Рос 4-4
1-105

ПРОБУЖДЕНИЕ

ОРГАН ФЕДЕРАЦИИ ГРУПП «ПРОБУЖДЕНИЕ»
СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ И КАНАДЫ

PROBUZHDENIE

9219 RUSSELL STREET

DETROIT, MICH.

№ 21 — 22.

АПРЕЛЬ — МАЙ 1932 Г.

СОДЕРЖАНИЕ: М. Неттлау. Анархисты и современный мировой кризис. — П. А. Кропоткин. Анархическая работа во время революции. — Жан Грав. Как началось анархическое движение во Франции. — М. Неттлау. П. Аршинов и "Пробуждение." — Дельта. Кандидат в чекисты. — Анатолий Горелин. День Труда. — Ф. Другов. Анархисты в Петербурге в 1917 году. — Ванда Свиста. Свобода и самообразование. — Отчет Федерации Групп "Пробуждение."

MAX NETTLAU

АНАРХИСТЫ И СОВРЕМЕННЫЙ МИРОВОЙ КРИЗИС

"Мир современный и мир Кропоткина" — таков заголовок статьи, которую я недавно прочел, и который выражает нынешнее положение. Его мир, не только мир его мечты, но тот реальный мир, который развивался на его глазах 50 лет, от начала 60-х годов до 1914 года, и который повлиял на его мировоззрение, который определил основу его идей, — наконец, мир, который, начиная с того рокового лета 1914 года, не перестает влиять на мировоззрение молодежи вот уже 18 лет, одновременно и неизбежно влияя также и на старое поколение, — какие бездонные пропасти разделяют эти два мира! А между тем, всего каких-нибудь десять или двенадцать лет до 1914 года только начинался еще подготовительный период к великому разрыву. Надежда и вера в те времена еще преобладали над зловещими предвестиями.

Каковы главные характерные черты нового периода? Прежде всего, — безконечность, неизлечимость и прогрессивное ухудшение зла, пожирающего ценности человеческого общества, и не останавливающегося решительно ни перед чем. Это зло подрывает одно за другим материальные опоры капиталистического общества и бросает их в плавильный котел, поглощающий все и все превращающий в развалины и отбросы.

Есть мера, есть пределу всему, и капиталисты видят это теперь, когда уже слишком поздно: нельзя вечно находить все новые рынки для сбыта. Машины, продаваемые как товар во все концы земного шара, скоро превращаются в конкурентов и разрушают промышленные монополии. Народы земли, в конце концов, начинают производить все нужное для себя сами, сами себя

содержат и закрывают двери для торговли других стран. В эту сторону мир быстро развивался, когда бездушные охотники за наживой нашли полезным и практичным уменьшить число крупных конкурентов тем самым старым традиционным путем большой войны, своими нуждами создающей торговый оборот, улучшающий затем дела путем возмещения того, что было разрушено, и дающий преимущество в делах победителю на продолжительный период времени. Такие соображения на протяжении многих лет приучали каждую большую нацию к мысли о войне, как выходе из положения, созданного переполнением рынков конкурентами. Каждый народ был вполне подготовлен, знал о своей подготовленности и не делал действительных усилий, чтобы избежать войны. Результатом была, конечно, решительная победа одной стороны, но равновесие всей экономической жизни было нарушено. Старое правило, что вся прибыль достается победителю, осталось только на бумаге, лишь в виде благотного пожелания, и не превратилось в экономическую действительность.

Точно в бесплодной игре в бирюльки, все разрушалось и ничего не строилось. Большие страны, в известном смысле, устаревали от нормальной международной экономической жизни. Россия, например, отброшена была в сторону внезапной революцией при условиях, менее всего благоприятствовавших для такого великого социального переворота. Германия потерпела крушение, вызвавшее перманентную смуту с перспективой революции при самых худших возможных условиях, при наличии безудержной конкуренции и обесценения товаров. В Италии господствует суровая государственная власть, урезающая и сокращающая свободную хозяйственную жизнь. Новые национальные государства заражены эгоизмом и жадностью, подрывающими торговлю и импорт.

При всем этом старые рынки в северной Африке и Азии восстали против международной торговли: Египет — на почве национальных стремлений к независимости,

Индия — под влиянием недовольства и решения сломить британское ярмо, Китай — на почве гражданской войны, разорения, или монополии японских завоевателей.

Кроме того, мы знаем, что Австралия экономически ослаблена, и в такой же степени ослаблено любое из государств Южной Америки. Все это сокращает поле выгодной для капиталистов эксплуатации до небольшого числа стран. Но даже и эти страны усваивают политику протекционизма, изоляции, самозащиты, сокращения расходов в общественной и частной жизни, хотя все это — очень ненадежные средства спасения, ибо государственный аппарат нигде не подвергается серьезному сокращению. Военные расходы и расходы на помощь безработным, путем прямой поддержки их или путем налогов, перевешивают сбережения частных лиц. При том же эти сбережения и сами по себе вызывают безработицу.

В итоге число платежеспособных покупателей и потребителей становится слишком малым для огромного производственного аппарата. Задача здесь состоит в том, чтобы всеми силами государства и армии обеспечить для капиталистов, привыкших к легкой и роскошной жизни, накопление капиталов для вложения в новые дела, для расширения их главной цели, состоящей в том, чтобы заставить весь мир работать на них и покупать исключительно для их наживы. Эта игра теперь пришла уже почти к концу, даже без вмешательства народной или социалистической воли, а просто в силу упрямых фактов: человечество переросло капитализм, подобно тому, как растущее тело перерастает детскую одежду.

Существуют переходные периоды и постепенность в таком переростании. Есть приемы, помогающие вскрыть или исказить неоспоримые факты. Именно таков нынешний период. Но движение развивается. Время можно переложить на плечи слабейшего. Целые народы можно сыграть со счета в качестве плательщиков.

Тем не менее, капитализм, имея перед

собой уменьшившуюся площадь для операций, является организмом с подрезанными ко-рыями, с пониженным питанием. А так как, после всего, элементы, устраненные из капиталистической системы в качестве индивидов, лишенных покупательной способности и возможности применения своих сил в процессе производства, все же являются живыми существами, и так как коллективы желают жить и будут жить, то нынешнее невозможное положение приближается к некоему пределу.

Государство не помогает никому. Капиталисты чувствуют, что оно плохо управляло теми делами, которые они доверили ему: дело новых завоеваний для приобретения внешних рынков и дело защиты внутренних рынков. Государствам мы обязаны почти восемнадцатью годами всеобщей войны — внешней, политической, экономической, моральной, конца которым все еще не видно. Дороговизна и бесплодность этих войн еще ухудшили разруху нормальной жизни. Кроме того, государство прониклось националистическими страстями, которые ныне подчинили себе капитализм, диктуют правила экономической жизни и являются как раз обратным тому, что нужно капитализму. Капитализм не может, например использовать эти страсти, как случайный или постоянный рычаг, в своих собственных интересах, вместо того, чтобы в лице их иметь господствующую силу, подчиняющую себе желания, интересы и даже жизненные нужды капитализма.

Это столкновение между двумя тенденциями уже наступило и становится все очевиднее с каждым годом и даже — в эти времена стремительно мчащейся жизни — с каждым месяцем и днем. Национализм влечет за собой распри, местничество, сужение горизонта и, следовательно, ведет к антисоциальным целям, к ослаблению связи между людьми, к подрыву политики открытых дверей и повсеместных дружественных отношений.

Капитализм требует как раз обратного, ибо он связан с распределением товаров в широчайших масштабах, в универсальных размерах и по налаженным путям.

Человечество в прошлом — это признает каждый социалист и анархист — было поднято этой универсальной, интернационализирующей тенденцией капиталистического производства от уровня средневекового провинциального прозябания, местного деспотизма и тирании до современного уровня.

Национализм ведет обратно к средним векам. Поэтому капитализм, хотя и пользуясь национализмом, не может однако позволить ему опять стать всемогущим. Капитализм и национализм просто несовместимы. Техническое развитие, научный дух и чувство подлинного социализма, — все это идет в ногу с универсализацией, а не с узким национализмом.

Но техническое развитие уже не допускает более одностороннего восстановления капиталистического преобладания. Оно сокращает количество ручного труда в капиталистическом обществе до такого предела, что количество живых машин — работающих людей — устраненных от работы, стало теперь разрушающим и угрожающим фактором, ибо живые машины не могут быть остановлены, подобно заводам, их нельзя выбросить, как можно выбросить бесполезную машину, нельзя сбросить их со счетов, как делают с безнадежными долгами, ибо они остаются живою силою. Хотя и уменьшившаяся, измученная голодом, обращенная в отверженных париев, эта сила все же должна и хочет еще жить и есть. Эта сила не хочет ждать вечно и возрастает численно с каждым днем. Теперь имеется уже 20 миллионов безработных, и число их может стать равным числу номинально организованных рабочих, которых тоже насчитывается около 20 миллионов.

Медленно, но верно, подобно потоку, число безработных приближается к числу работающих. Во всяком случае, занятые в производстве рабочие, должны теперь содержать свои семьи, содержать безработных, содержать государственный чиновничий и военный аппарат, содержать капиталистов и их семьи, акционеров и проч., — а в дополнение ко всему этому они должны еще создавать прибыль, потребляемую в

качестве накопленного капитала, для новых вложений, для покупки новых машин, и для покрытия всех случайных и неизбежных потерь и убытков.

Долго ли может существовать такой строй? Не может быть и сомнения в том, что этот строй все еще спасен для очень многих капиталистов, которые, имея половину, четверть или десятую часть своих прежних доходов, все же не были бы доведены до голода. Последней чертой может явиться нечто иное. Когда Французская Революция приближалась, в годы до 1789, то земельная аристократия некоторое время чувствовала себя беспокойной, но муки голода выпали на долю крестьян. Крестьяне начали терять терпение, набираться смелости, и пришел момент, когда они бросили жребий.

Теперь жизнь действительно становится невыносимым бедствием для населения значительных частей Испании, Германии, Австрии, Венгрии...

Во многих странах нарастают волнения и возмущения, даже в странах внешне крепкого капитализма, как Англия, Италия и не мало других стран. Кроме того, появилась необходимость в бережливости в каждой семье, в каждой ассоциации и учреждении, которая сокращает средства, предназначенные для развития науки и искусств. Короче говоря, подрываются жизненные силы века, для которого исследования, открытия и знания так широко открыты и для которого они стали привычной необходимостью.

Где же может быть найден выход, если не в свободе и солидарности? Свобода необходима как воздух, которым мы дышим — только она дает нам возможность действия. Солидарность же необходима, как сила, высшая и коллективная сила, устраняющая препятствия, непосильные для единичной личности. Солидарная, коллективная борьба, охватывающая весь мир, всю вселенную, — вот что одержит победу над узкой изоляцией и распыленностью сил.

Таковы социалистические и анархические взгляды. Но где же, можем мы спро-

сить, социалисты и анархисты так понимающие задачу? Не те немногие, кто всегда стоит в первых рядах, а те миллионы организованных рабочих, социалистических избирателей, которые подают миллионы голосов. Не лидеры и избранные сановники, которые всегда найдутся повсюду, где нужно провознести речь или предложить какойнибудь закон в законодательном собрании, — а социалистические массы.

Заявляя колеблющуюся позицию и сохраняя ее на протяжении многих лет, массы теперь нигде не появляются. Они делегировали свою силу, передали задачу думать за них своим лидерам, и при том на такой продолжительный срок, что когда лидеры находятся в нерешительности, в бездействии, так же мало затронутые поднимающаяся волной, как аристократия и сами капиталисты, — то массы, как будто не способны и не хотят действовать. Когда лидеры говорят мало, то массы совсем почти не говорят, а делают еще меньше.

Все дело здесь, по моему мнению, в чрезвычайно неприятном для социалистических лидеров факте: они знают, что когда начнутся события, то они пойдут через головы, отбросят их в сторону, подобно тому, как волна разрушает и сметает детские постройки из песка на морском берегу.

В течение этих 60 лет растущего преобладания парламентарных и других профессиональных социалистов, они в сущности изжили свои жизни, их время прошло, они насладились властью, а иногда и комфортом, и привыкли считать себя постоянным учреждением, рассадником министров и других высоких государственных сановников, а вовсе не людьми, которым рабочие наввно доверили руководство социалистическим авангардом. Их парство от мира сего, от капиталистического мира. Они чувствуют и хорошо знают, что — употребляя теологический способ выражения — в социалистическом раю для них не будет места. Никакой цветок не цветет дважды. Они поторопились сорвать цветы социализма для себя, и теперь они исче-

заят с горизонта. История не повторится ради новых диктаторов образца 1917 года.

Слишком мало подлинно социалистического духа теперь в мире, мало этического социализма, многообъемлющего и возвышенного, который был бы не партийным делом, а делом всего человечества, который не тратил бы свои силы на сделки и соглашения, а отважно шел бы вперед, не оборачиваясь назад, стремясь заложить основы будущего здесь, сейчас. Зародыши этого духа живут теперь только среди народных, а не доктринерских анархистов.

Шахтеры в Каталонских горах недавно показали, как анархисты могли бы устроить дела. В течение нескольких дней, пока их оставляли в покое, их общинная жизнь развивалась без насилия и без сучка - задоринки. Затем стало очевидным, что другие местности не поддерживают их. Солдаты республиканского правительства, в которое входят социалистические министры, окружили и наводнили округ, и первые анархические коммуны, создавшиеся из трех или четырех маленьких городков в горах, снова попали под ярмо республиканских и социалистических министров, которые послали сторонников этих коммун в Барселоне и других местах на пароход и стали перевозить их сотнями, тысячами в места ссылки в африканской Гвинее.

Испанские социалисты аплодировали этим репрессиям, осторожное правое крыло синдикалистов соблюдало спокойствие, а прочие "левые", как они себя называют, были по этому случаю высланы и поставлены в такое положение, что им грозит смерть от перемены климата или от других способов расправы.

Таким образом, в течение неполного года после перемены политического режима в Испании (апрель 1931 г.) не было конца избениям, поддерживавшим социалистическими министрами. Были случаи высылки за анархические убеждения. Ничего не было сделано для смягчения нужды в Андалусии, за исключением того, что жандармы расстреляли нескольких умиривших от голода стачечников или крестьян, и таким

путем освободили их от нужды. Но для всех социалистических партий в мире эти испанские социалистические министры остаются уважаемыми друзьями и дорогими товарищами и сливут цветом испанского социализма.

Чувствуется безнадежное отсутствие этического чувства в том, что теперь претендует быть социализмом. Самый жестокий дух государственности, решительной враждебности к революции, в свободе, ко всему, что не покоряется этим перархическим лидерам. Жестокость впиталась в их плоть и кровь в течение 15 лет господства над Россией и в разных местах Европы. Это объясняется тем, что в течение 30 лет они были связаны с буржуазными правительствами в качестве министров или влиятельных партийных лидеров, а с правительственными учреждениями как чиновники организаций.

Результат таков, что в современном мировом кризисе голос социализма звучит глухо: несколько замечаний, вроде тех, которые сделал Интернациональный Конгресс 1931 года, остаются на бумаге. Так как за этими заявлениями стоят такие лидеры, какие описаны выше, то эти заявления лишены значения, и к ним никто не прислушивается, ибо они только показывают, что ничто серьезное не может быть сделано и не будет сделано. Речь бывшего бельгийского министра Вандервельда на Женевской Конференции по разоружению является в этом смысле образцом.

Мы имеем, таким образом, в одно и то же время кризис отпадающих рынков и вытекающую отсюда финансовую, может быть, банковую депрессию, упадок, а часто и разруху; кризис неспособного и необычайно дорого стоящего государства; кризис мира, который ведет к росту вооружений, национальной вражды и всеобщего напряженного настроения; кризис общественного мнения, беспомощно плывущего к коммунизму, фашизму, национализму, ко всякому грубому и блестящему "изму", или же утопающего в болоте безразличия; и кризис социализма, который, если не

ключить нескольких идеалистов, стал уделом корыстных лидеров-карьеристов, действующих в пределах существующего строя и не могущих вести с ним серьезную борьбу.

По всей вероятности все эти одновременные кризисы связаны между собой. Государство было переоценено капиталистами в качестве орудия защиты и аппарата для войны. Национализм толкает к войне, как средству осуществить цели националистов и всех, кто заинтересован в войне, а капиталисты и государство во многих случаях поощряют национализм, как полезный фактор во время войны.

Социализм, желающий быть государством, заботится о том, чтобы власть государства не уменьшалась, а наоборот, — возрастала бы. А так как социализм нуждается в избирателях, то он не может серьезно бороться с национализмом. Средний рабочий заинтересован в национальном благосостоянии и считает силу государства, а при случае и войну, способами обеспечить это благосостояние.

Эта путаница характерна для современной стадии в развитии существующего строя, — стадия, когда крушение в одном месте непременно ведет к всеобщему кризису, из которого нет никакого выхода, — ведет к тупику. Стало быть, начнут действовать новые факторы, ибо невероятно, чтобы общество стало разрушаться без отчаянных усилий к сопротивлению.

**

Теперь посмотрим на другую сторону вопроса — на возможности истинного прогресса современного человечества. Взглянем также на реальные резервы человечества, на массу тех, кто не является ни безразличным, ни реакционером, ни человеком определенной партии, а просто ведет прямолинейно свою жизнь, ни от кого не ожидая помощи, ибо никто до сих пор не помогал ему, — на тех, кто обычно являлся жертвою всеобщих бедствий и безумств других и кто, тем не менее, поддерживает непрерывный ход жизни своей постоянной работой. Такие люди мало верят в современных политиканов и так же

мало верят в обещания новых партий. Они верят только тому, что видят, а социализм они видели слишком мало. Эти люди видели, как выдающиеся вожди становились известными людьми, подобно всем другим политикам, и они видели небольшое число анархистов, ставших героями и жертвами, не имея за собой никакой силы, которая могла бы помочь им осуществить их цели или хотя бы спасти их и сохранить их жизни.

Они чувствуют, что не могут стать анархическими героями и не хотят быть гнилыми социалистическими политиками — поэтому нет практической связи между общесоциалистической и нашей либертарной идеей и теми хорошими людьми, какими они являются на деле.

Что касается тех, кто работает во всех областях прогресса, то эти люди являются по большей части специалистами, и для связи между ними и нами тоже не хватало звеньев. Слишком многие верят в главное и исключительное значение их собственной задачи и критически относятся к тем, кто хотя бы немного отличается от них по своим теоретическим взглядам, тактике, практике, вместо того, чтобы чувствовать себя счастливыми, что столь многие следуют по различным тропинкам к общей цели, которая в сущности еще невидима ни для кого и которая однако не может быть определена с такой уверенностью, чтобы можно было сказать: вот это — единственный путь, единственная тактика, а все остальные — ошибочны. Даже когда цель была так безошибочно намечена, как намечен был северный полюс — математическая точка, — даже и тогда потребовались соединенные усилия и методы многих, чтобы достигнуть этой цели, и только постепенно был накоплен необходимый опыт.

В настоящее время, действительно, не терпит уже отлагательств дело изложения либертарных методов перед всем миром в не-догматических, истинно практических линиях, проникнутых широкой терпимостью. Известны три вида рабства: первое, когда одна часть человечества захватыва-

да землю и заставляла всех других платить за пользование землей, за право пахать ее или за право хотя бы преклонить к ней голову для сна. Второе — когда та же самая монополия создана была в отношении большинства орудий труда, способов производства, сырых материалов, машин. И третье — на наших собственных глазах, когда монополизированные новые усовершенствованные машины на монополизированной земле делают бесполезным, т. е. не нужным труд постоянно возрастающего числа людей, превращают их в безработных и лишают их доступа к земле, доступа к инструментам и машинам, короче говоря, устраниают их из привилегированной части человечества. Прежде эти рабочие могли обменивать свою рабочую силу на пищу и жилища, на заработную плату, — теперь же их единственный товар, рабочая сила, стала ненужной, а ничего другого они не могут дать, — поэтому они в полном смысле слова устраниены, изгнаны из человечества, как дикие звери, и если они прикасаются к чему-нибудь, чтобы найти себе пищу, то их прогонят или убьют, как диких зверей.

Это — третий и последний вид грабежа. Отсюда должен начаться новый путь развития, если только одичание не последует за войною против безработных по тем же линиям, как война крестьян против голодных волков зимою в России или Канаде.

Работа есть для всех, и больше, чем может быть сделано за долгое время: нужно поднять уровень условий жизни, воспитания, и всего прочего для огромного большинства населения каждой страны. Эта работа может быть оплачена их работой. Нормальная взаимная экономия может быть основана там, где дружеское и солидарное хозяйство, проповедуемое коммунистами-анархистами, еще не существует. Все это может быть сделано, если будут устранены паразиты — прибыль капиталистов и расход на государство, вместе с потерями общества от утилитаризма, спекуляций, роскоши и непроизводительных расходов.

Но препятствия на этом пути огромны

— миллионы капиталистов и их приспешников, миллионы государственных чиновников, миллионы состоящих в армии и, кроме того, десятки и сотни миллионов равнодушных, руководимых бульварной прессой, десятки миллионов организованных рабочих и социалистов, руководимых своими лидерами и поддерживающих государство, многочисленные социалистические диктатуры, также стремящиеся стать государством.

Против всего этого одна лишь пропаганда анархистов и синдикалистов бессильна. Социалисты соединяются с капиталом и государством, чтобы подавить ее, как это бывает повсюду, где они имеют власть для этого, — в Германии, Испании и т. д.

Таким образом, если не только не будет создано в общественном мнении широкое либеральное, ассоциативное, антигосударственное и гуманитарное течение, то анархисты и синдикалисты едва ли будут в силах заставить прислушаться к своему голосу. Они окажутся изолированными, а изолированные фракции склонны к доктринерству и догматизму, ибо у них нет доступа к реальной жизни и сотрудничества с ней. Каждый правильный взгляд может развиваться лишь в благоприятной среде, а такая среда, объединяющая только что описанные прогрессивные силы, тем более необходима теперь, что сторонники власти, имея всю власть в своих руках, со своим реакционным прошлым позади, и гигантский кризис перед собой, являются самыми жестокими врагами. Только объединение прогрессивной части человечества может им помешать сделать нечто еще худшее, чем то, что они уже сделали.

Мы находимся в самой гуще различных видов развития, дошедшего до своего конца и, вместе с тем, новых видов развития, которым следует дать возможность как можно лучше начаться и не допустить уклонения их в сторону с первых же шагов. Капитализм, опираясь на государственнический социализм, может таким образом получить продление своей жизни. Тогда все, что похоже на свободу, будет с корнем вырвано

из новой системы универсального фашизма и большевизма, соединенных воедино, — или же очарование власти может быть сломлено, и тогда либеральный и ассоциативный дух вдохновит либеральную и радикальную борьбу.

В обоих случаях наше место среди радикальных борцов, а не среди изолированных и самодовольных доктринеров. В период этого кризиса мы должны стоять плечом к плечу с лучшими из людей и заложить основание солидарности и симпатии, которые дали бы возможность приступить к либертарному творчеству там, где сочувствующие элементы существуют в достаточном количестве.

Необходимость начать дело опять сначала действует тяжело и угнетающе, но ведь плюзией было с самого начала видеть истинных сотрудников и возможных товарищей в тех массах номинальных социалистов и организованных рабочих, которые позволили своим лидерам соединиться с капиталистами и которые ничего не имеют возразить против них.

Это не пустое замечание, оно основано на осязаемом факте. Например, как это указано выше, после 25 января 1932 года, после мирного восстания каталонских анархистов в горах Каталонии, жизнь тамошних анархистов предстала перед нами почти в толстовских тонах. Это жизнь, основанная на тяжелом труде и солидарности, свободная от мести и насилия, великолепная демонстрация в те недели японских военных ужасов. После этого прекрасного акта около 108 барселонских и других каталонских анархистов, арестованные и помещенные на большое судно, без суда, просто за их убеждения, были депортированы 10 февраля. В других портах к ним присоединялись новые пленники, также отправлявшиеся в нездоровые местности на берегах испанской Гвинеи Западной Африки, в страну, где свирепствует сонная болезнь. Против этого одновременно протестовали некоторые федералисты республиканцы в испанском парламенте. Их принудили к молчанию социалисты. Только 14 из 159 голосовали в знак

протеста против ужасной меры, которую социалистические министры полностью одобрили. Разумеется, эти социалистические министры остаются у власти и являются гордостью и "дорогими товарищами" всех социалистических партий на земном шаре. Возможна ли такая бы то ни было солидарность с социалистами при таких условиях? Она не более возможна, чем с коммунистами, для которых каждое действие Чека и ГПУ является священным актом, требующим поддержки. Также невозможна солидарность и со многими трудовыми организациями, лидеры которых так же безусловно антисоциалистичны, как и сама буржуазия.

Все это люди прошлого, которые так же неспособны понять свободу, как ханжи неспособны оценить свободомыслие. Мы слишком долго были связаны солидарностью с ними, как с рабочими и социалистами, как они себя называли. Их социализм давно их покинул. Был когда то прекрасный, с широким горизонтом социализм Сен Симона, Фурье, Роберта Оуэна и столько других — только анархисты помнят о них. Друсторионный социализм Маркса сделал сначала все, что мог, чтобы изгладить память о старейших подлинных социалистах, потом, чтобы разрушить анархизм в лице его основателей Прудона, Макса Штирнера, Бакунина и их товарищей, а потом обратить оставшихся социалистов в сторонников парламентаризма. Это привело к появлению министров, подобных тем, которые занимают сейчас в Испании депортацией анархистов в смертоносные африканские джунгли. Сделав полный поворот кругом, социализм превратился в самодержавный социализм Ленина и Сталина, правящих подобно царям и наказывающих всех, кто не становится на колени перед их изображением, — как делали это и цари. Будущее родится из новых и чистых источников, или же оно будет означать новые ужасы, превосходящие нынешние ужасы.

Здесь находится точка, от которой расходятся пути. Здесь наше место на пути прогресса, независимо от того, являемся ли мы

П. КРОПОТКИН.

АНАРХИЧЕСКАЯ РАБОТА ВО ВРЕМЯ РЕВОЛЮЦИИ

(Окончание).

Весь характер земледелия, промышленности, работы нуждается в полном изменении в том случае, если общество придет к той мысли, что земля, машины, заводы должны сделаться полем приложения труда с целью дать благосостояние одинаково всем. Прежде чем "вернуться в мастерские после революции", как нам говорят творцы социалистическо-государственных утопий, нужно еще узнать, имеет ли та мастерская или тот завод, производящий усовершенствованные орудия убийства или преступления, свой смысл существования: должно ли поле быть раздроблено или нет, если культура останется такой же, какой она была у варваров полторы тысячи лет тому назад, или же она должна стре-

миться дать наибольшее количество необходимых человеку продуктов.

Надо пройти целый период преобразований. Надо ввести революцию на завод и в поле, в хижину и в городской дом, в земледельческое орудие и в могучую машину больших мастерских, в группу текстильных рабочих и в экономический союз всех работающих и в обмен и в торговлю, которые также необходимо социализировать, необходимо построить на новых началах и потребление и производство.

Нельзя, кроме того, чтобы весь мир жил в этот период преобразований: чтобы весь мир чувствовал себя более спокойно, чем в прошлом.

**

Когда жители городских коммун двенадцатого века решили основать в развалившихся городах новое общество, освобожденное от господина, они начали с заключения договора о солидарности всех жителей. Мятельники коммуны поклялись во взаимной поддержке друг другу: они приносили так называемые "сопричастельства" коммун.

Именно договором подобного рода должна будет начаться социальная революция. Договор совместной жизни, но не смерти; единения, но не взаимного истребления. Договор солидарности для рассмотрения всего наследия прошлого как общего достояния, договор о разделе согласно принципам равенства всего того, что могло бы помочь пережить кризис: провизанта и амуниции, жилищ и накопленной энергии, орудий и машин, знания и силы — договор солидарности для потребления продуктов так же, как и для пользования средствами производства.

Сильные в своих заговорах, буржуа двенадцатого века, — даже в момент начала борьбы против господина, в целях существования во время этой борьбы и благопо-

большой или малой силой. Социализм продолжает жить в нас. Наше моральное и интеллектуальное положение много лучше, чем думают многие из тех, кто подавляет нашей кажущейся изоляцией. Нет, мы сами себя изолировали в надежде, что социализм родится среди тех, кто является социалистами только по имени. Много лет нас почти не замечали, ибо смешивали нас с теми номинальными социалистами, которых никто не уважает, когда они позволяют своим лидерам превращаться в типичных политиканов, и которых презирают, когда они позволяют им быть деспотами большевистского типа. Выступим же вперед с нашими свободными социальными идеями, с нашим широко понимаемым, добровольным, ассоциативным, основанным на солидарности, гуманным социализмом, который и есть анархизм. Вступим в интеллектуальный контакт с лучшими людьми в мире в эти времена великого кризиса. Тогда мы начнем закладывать основание грядущего анархизма, — только тогда, но не раньше того.

М. НЕТТЛАУ.

22-го февраля 1932.

лучного доведения ее до конца, — они принялись организовать свое общество по гильдиям и ремеслам. Таким образом, они достигли того, что могли гарантировать известное благосостояние гражданам. Точно так же, и социальная революция, чувствуя себя сильной благодаря договору солидарности, который соединит общество в моменты радости и горя, победы и поражения, сможет, будучи тогда в полной безопасности, предпринять громадную работу по реорганизации производства и обмена. Если она хочет жить, она должна заключить этот договор.

И в своей новой работе, которая будет работой созидательной, народные массы должны будут рассчитывать прежде всего на свои собственные силы, на свою собственную инициативу и свой организаторский гений, свою способность проложить новые пути, потому что все буржуазное воспитание шло по совершенно противоположным путям.

Эта задача огромна. Но не в поисках уменьшения ее заранее найдет народ необходимые силы для ее разрешения. Наоборот, в понимании всего ее величия, в черпании вдохновения даже во всех трудностях, найдет народ необходимый гений для победы.

Все действительно великие прогрессивные движения человечества, все действительно великие действия народов создавались таким образом, и в понимании всей величины своего задания найдет революция свои силы.

Не должен ли революционер быть в полном сознании возложенной на него задачи, и не закрывать глаз на все трудности, смотреть им прямо в лицо?

**

С заговором против всех своих хозяев, — заговором с целью гарантировать для всех свободу, обеспечить для всех известное благосостояние — выступили горожане двенадцатого века. С требованием обеспечить для всех хлеб и свободу должна выступить социальная революция. Чтобы все без исключения знали, что когда слу-

чится революция, ее превои мыслью всегда будет снабдить всех жителей города или местности хлебом, жилищем, одеждой, — и в этом единственном деле общей солидарности революция найдет силы, которых не хватало предшествовавшим революциям.

Но для этого нужно отказаться от всех заблуждений древней политической экономии буржуазии. Нужно навсегда отделаться от вознаграждения во всех его возможных формах, и смотреть на общество, как на одно большое целое, организованное для достижения наибольшей производительности при наименьшей затрате человеческих сил. Нужно привыкнуть смотреть на персональное вознаграждение за услуги как на нечто невозможное, как на неудавшуюся попытку прошлого и как на препятствие для будущего в том случае, если она еще будет существовать.

И нужно отделаться не только в принципе, но в приложении на практике от принципа власти, от концентрации функций, которая составляет суть нынешнего общества.

При такой задаче было бы очень грустно, если бы революционные работники обманывали себя относительно ее простора, и не пробовали бы отдать себе отчет в том, каким образом они надеются ее разрешить.

IV.

Буржуазия является силой не только потому, что она обладает богатством, но, главным образом, потому, что она воспринималась обществом, который ей дал богатство, чтобы изучить искусство управлять и выработать науку, которая служит для оправдания власти. Она знает, чего она хочет, она знает, что нужно для того, чтобы ее идеал общества сохранился; а пока трудящийся также не будет знать, что ему нужно, и как этого достичь, он должен будет остаться рабом того, который знает.

Было бы, конечно, нелепо стремиться выработать в воображении общество таким, каким оно должно выйти из революции. Было бы праздным и неуместным вести за-

равнее споры о способах удовлетворить ту или иную нужду будущего общества, или о форме организации той или иной детали народной жизни. Романы, которые мы выдумываем для будущего, предназначены лишь для того, чтобы определять наши желания, доказывать возможность существования общества без хозяина, видеть, что идеал может быть применим, не сталкиваясь с непреодолимыми препятствиями. Роман остается романом. Но всегда находятся известные великие строки, с которыми надо согласиться, чтобы создать что бы то ни было.

Буржуа 1789 года прекрасно знали, что было бы тщетно спорить о деталях парламентского правления, о котором они мечтали; но они сходились на двух существенных пунктах: они хотели сильного правительства и это правительство должно было быть представительным. Больше того: оно должно было быть централизованным, имел в провинции органы с целой иерархией чиновников, и целую серию мелких управлений в избранных муниципалитетах. Но оно должно также быть построенным на двух отдельных ветвях: на власти законодательной и власти исполнительной. То, что они называли "правосудием", должно было быть независимым от власти исполнительной, и до известной степени и от власти законодательной.

Они сходились на двух существенных пунктах по вопросу экономическому. В их идеале общества частная собственность стоит вне всяких споров и пресловутая "свобода соглашений" провозглашалась как основной принцип организации. Еще больше, лучшие из них в самом деле думали, что этот принцип действительно возродит общество и явится источником богатства для всех.

Более применяясь к деталям, нежели оставаясь сильными в этих существенных пунктах, они могли в один или два года совершенно реорганизовать Францию согласно своему идеалу и дать ей свод гражданских законов (впоследствии узурпированный Наполеоном), — свод законов, кото-

рый в течение девятнадцатого века копировался всей европейской буржуазией, когда она получала власть.

Они работали над этим в изумительном согласии. И если, вслед за тем, возникла страшная борьба в Конвенте, это произошло оттого, что народ, увидев себя обманутым в своих надеждах, пришел с новыми требованиями, которые не поняли его вожаки, или что некоторые из них тщетно старались примириться с буржуазной революцией.

Буржуа знали, чего они хотели; они давно думали об этом. В течение долгих лет они вынашивали идеал правления, и когда народ поднялся, они заставили его работать над реализацией их идеала, сделав ему по известным пунктам несколько второстепенных уступок, как, например, уничтожение феодальных прав или равенство перед законом.

**

Не зарываясь в детали, буржуа задолго до революции установили общую линию будущего. Можем ли мы то же сказать о трудящихся?

К сожалению, нет. Во всем современном социализме, и главным образом в его умеренной части, мы видим явную тенденцию не углублять принципы общества, которое должно торжествовать через революцию. Это понятно. Для умеренных говорить революционно значит компрометировать себя, и они предвидят, что, нарисовав перед трудящимися простой план паллиативных реформ, они потеряют своих самых пламенных последователей. Они предпочитают также презрительно относиться к тем, кто говорит о будущем обществе или старается определить работу революции. "Потом будет видно, выберут лучших людей и они сделают все к лучшему!" Вот их ответ.

Что же касается анархистов, то боязнь увидеть себя раздавленными в вопросе о будущем обществе и парализованными в своем революционном порыве действуют на них в том же смысле. Среди трудящихся обычно предпочитают отложить все споры, которые (совершенно несправедливо) на-

зывают теоретическими, и забывают, что, может быть, через несколько лет они должны будут сказать свое мнение по всем вопросам организации общества, от действия хлебных печей до действия школ или защиты территории, — и тогда они не будут иметь перед собою образцов английской революции, которой вдохновлялись живородисты прошлого века.

В революционных кругах очень принято смотреть на революцию как на великий праздник, во время которого все устроится к лучшему само собой. В действительности же, в тот день, когда все старинные учреждения будут разрушены, в тот день, когда вся эта огромная машина, которая плохо ли, хорошо ли удовлетворяет насущные потребности большинства публики, перестанет действовать, тогда будет нужно, чтобы народ сам взялся за реорганизацию разбитой машины.

Ламартин и Ледрю-Роллен проводили по двадцать четыре часа над составлением декретов, скопированных со старых республиканских образцов, давно заученных наизусть. Но что говорили эти декреты? Они повторяли лишь торжественные фразы, которые в течение лет обсуждались в республиканских собраниях и клубах, и эти декреты не касались ничего, что составляет суть ежедневной жизни нации. Ибо временное правительство 1848 года не касалось ни собственности, ни вознаграждения, ни эксплуатации, оно могло лишь ограничиться более или менее громкими фразами: оно отдавало приказания, одним словом, делало все то, что делают каждый день в учреждениях государства. Нужно было лишь изменить фразеологию. И в то же время одна эта работа поглотила все силы вновь пришедших.

Для нас, революционеров, которые повинуюсь, что народ должен прежде всего есть и кормить своих детей, задача будет более трудной. Имеется ли достаточно муки? Попадает ли она в печь булочных? И как сделать, чтобы доставка мяса и овощей не прекращалась? Имеет ли каждый жилище? Нет ли недостатка в одежде? и

т. д. Вот, о чем придется нам думать.

Все это потребует работу громадную, жестокую в подлинном смысле слова со стороны тех, кому дорог успех революции. "Одни были в лихорадке в течение восьми дней, шести недель" — писал один старинный член Конвента в своих мемуарах, — "мы же были в лихорадке в течение четырех лет без перерыва." И изнуряемый этой лихорадкой, среди вражды и неприятностей, должен будет работать революционер.

Он должен будет действовать. Но как действовать, если он уже давно не знает, какой идеей ему руководиться, каковы те главные черты организации, которые, согласно ей, отвечают запросам народа, его обширным желаниям, его нерешительной воле?

И еще осмеливаются говорить, что все это не нужно, что все это устроится само собой! Буржуа, как более разумные, изучают уже способы, как обуздать революцию, как ее обмануть, по какому пути направить ее, чтобы она потерпела крушение. Они изучают не только способы давления оружием народных восстаний в деревнях (при помощи небольших блиндированных поездов и пулеметов) и в городах (здесь главные штабы изучили детали в совершенстве); но они изучают также, как руководить революцией, делая ей своевременно воображаемые уступки, сея раздор между революционерами и, главным образом, направляя их по тому пути, на котором революция должна неизбежно завязнуть в грязи личных интересов и мелкой индивидуальной борьбы.

Да, революция будет праздником, если она будет работать над освобождением всех; но чтобы это освобождение совершилось, революционер должен будет обнулить смелость мысли, энергичность в действии, уверенность в суждении и строгость в работе, к которой народ редко доказывал свою способность в предыдущих революциях, но о которой уже начали мечтать предвестники в последние дни Парижской Коммуны и в первые дни забастовок последнего двадцатилетия.

V.

— “Но откуда же взять эту смелость мысли и эту энергию в работе, если их нет у народа? Не признаете ли вы сами — скажут нам — что если в народе нет недостатка в наступательной силе, то зато смелость мысли и строгость в преобразовании слишком часто изменяли ему?”

Мы вполне признаем это. Но мы также не забываем о той доли инициативы, которая появляется у людей во время революционных движений. И об этой-то инициативе мы теперь хотим сказать несколько слов, чтобы закончить наш очерк.

Инициатива, свободная инициатива каждого, и возможность каждого заставить пенить эту силу во время народных восстаний — вот что придавало непреодолимую мощь революциям. Историки-государственники говорят о ней мало или совсем не говорят. Но именно на эту силу мы рассчитываем, чтобы предпринять и закончить великую работу социальной революции.

Если революции прошлого сделали хоть что-нибудь, то исключительно благодаря мужчинам и женщинам инициативы, тем неизвестным, которые показывались в толпе и не боялись принять перед своими братьями и сестрами ответственность за действия, которые казались трусам безрассудной смелостью.

Большая масса с трудом решается предпринять нечто, что не имело прецедента в прошлом. В этом можно убедиться ежедневно. Если косность на каждом шагу покрывает нас плесенью, то только потому, что нехватает людей инициативы, которые разрушили бы все традиции прошлого и отважно бросились бы навстречу неизвестному. Но лишь только в мозгах зародится мысль, пока еще неясная, смутная, неспособная разбираться в действиях, и появляются люди инициативы и возмущаются за работу — за ними немедленно пойдут вслед другие, лишь бы только работа отвечала бы общим стремлениям. И если даже, разбитые усталостью, они уйдут, однажды начатая работа будет продолжаться тысячами

последователей, о существовании которых никто не смел предполагать. Это история всей жизни человечества, — история, которую каждый может доказать на основании собственных глаз, собственного опыта. Лишь те, кто хотел идти навстречу желаниям и нуждам человечества, были прокляты и покинуты своими современниками.

К несчастью, люди инициативы встречаются в будничной жизни очень редко. Но в революционные эпохи они появляются и именно они, собственно говоря, и создают прочную работу революций.

На них наша надежда и упование в будущей революции. Лишь бы они имели правильный и, следовательно, широкий взгляд на будущее, лишь бы они имели смелость мысли и не стремились бы возродить прошлое, обреченное на смерть; лишь бы их вдохновлял высокий идеал, — и за ними пойдут. Никогда, ни в какую эпоху своего существования, человечество не ощущало большей потребности к великому вдохновению, как в данный момент нашей жизни, когда мы прожили целое столетие, полное буржуазного разложения и гнили.

**

Но чтобы они появились, нужна подготовительная работа. Необходимо, чтобы те новые идеи, которые отметят новое начало в истории цивилизации, были бы намечены до революции; чтобы они были усиленно распространены в массах с целью быть подвергнутыми критике практических умов и, до известной степени, экспериментальной оценке. Нужно, чтобы мысли, которые зародились до революции, были бы в достаточной мере распространены, для того, чтобы известное количество умов успело к ним привыкнуть. Нужно, чтобы слова: “анархия”, “уничтожение государства”, “свободное согласие рабочих групп и коммун”, “коммунистическая коммуна” стали бы известными, настолько известными, чтобы интеллигентное меньшинство старалось бы их углубить.

Тогда такие, как Шадье, Жак Ру или Доливы будущей революции будут поняты массами, которые после первоначального

удивления заметят в этих словах выражение своих собственных стремлений.

— А зависть среди самих угнетенных? И не замечали ли часто и вполне правильно, что зависть является камнем преткновения среди демократии? Что если трудящийся слишком терпеливо переносит высокомерие своего хозяина, но смотрит завистливым взглядом на личное влияние товарища по мастерской.

Не будем отрицать этого; не будем прятаться за аргумент, вполне впрочем правильный, что зависть всегда рождает сознание, что товарищ, раз он только приобрел влияние, употребит его на то, чтобы предать своих вчерашних друзей, и что единственной возможностью парализовать зависть, как предательство, было бы отнять у этого товарища, как у буржуа, возможность увеличивать свою власть, возможность сделаться хозяином.

Все это правильно, но есть еще больше. Мы все с нашим государственным воспитанием, видя возникающее влияние, думаем лишь о том, как его уничтожить, и мы забываем, что есть еще один более сильный способ парализовать вредные влияния или влияния, которые могут быть вредными. Этот способ — действовать лучше со стороны.

В рабском обществе этот способ невозможен, и мы, дети рабского общества, не думаем о нем. Если король стал невыносим, каким способом отделаться от него, как не убить? Если министр нам мешает, что делать как ни искать другого, который бы его заместил? И если "народный избравник" внушает нам отвращение, мы ищем другого, который бы составил ему конкуренцию. Так это делается. Но разве это разумно?

Что, в самом деле, могли сделать члены Конвента по отношению к королю, который не уступал им права, как не гильотинировать его? и что могли сделать Моптаньяры по отношению к Жирондистам, облеченным теми же правами, — как не послать их в свою очередь к палачу? Итак, это прежнее положение осталось у нас до

настоящего времени. И тем не менее единственный действительный способ парализовать вредное влияние, это взять на себя инициативу действия и направить его в лучшую сторону.

Также, когда мы слышим о революционерах, которые восторгаются при мысли о том, как придется заколоть или застрелить правителя, который может захватить власть во время революции, то нас охватывает страх при мысли, что силы настоящих революционеров могут исеянуть в борьбе, которая была бы, в сущности, только борьбой за или против людей в пытых золотом мундирах. Объявить им войну, это значит признать необходимость иметь других людей, также одетых в те же мундиры.

В 1871 году в Париже уже смутно предчувствуется лучший способ действия. Революционеры из народа казались понимали, что "Совет Коммуны" должен рассматриваться как простое украшение, как дань, уплачиваемая традициям прошлого; что народ не только не должен был разоружаться, но что он должен был сохранить рядом с Советом свою внутреннюю организацию, свои союзные группы, и что от этих групп, а не от Городской Ратуши, должны исходить все необходимые меры для создания триумфа революции.

К несчастью, известная скромность народных революционеров, зараженных также предразсудками власти, еще очень сильными в эту эпоху, мешала этим союзным группам совершенно обходить Совет и действовать так, как будто бы он не существовал совершенно, чтобы открыть новую эру в социальном строительстве.

Мы не избежим возвращения этих попыток революции. Но будем, по крайней мере, знать, что самый действительный способ уничтожения власти не будет государственный переворот, который вернет власть к иной форме, приводящей к диктатуре. Единственно действительным способом было бы дать народу силу, мощную в своем действии, в своей революционной работе строительства, которую она бы выполни-

ла, вопреки правительству, как бы оно ни называлось, и постоянно увеличивая свою революционную инициативу, свое революционное вдохновение, свою работу строительства и разрушения. Во время Великой Революции 1789-1794 года секции Парижа и других больших городов и революционные управления в мелких городах, обходя Конвент и провинциальные органы революционного правительства, принимались набрасывать проекты реконструкции экономического переустройства и свободного согласия Общества. Это нам сегодня доказывают уже опубликованные документы, касающиеся деятельности этих мало известных органов революции — народных секций и обществ.

Над народом, который сумеет сам организовать потребление богатств и их производство в интересах всего общества, никто не сможет больше властвовать. Народу, который сам будет вооруженной силой страны, и который сумеет дать вооруженным гражданам связь и единство необходимых действий, никто не сможет повелевать. Народом, который сумеет построить свои железные дороги, свой флот, свои школы, никто не сможет управлять. И, наконец, народу, который сумеет организовать свои третейские суды для разбора мелких споров, и которые каждое лицо будет рассматривать как возможность помешать негодяю обмануть слабого, не дожидаясь высшего вмешательства полиции, — этому народу не будет нужно ни полицейских, ни судей, ни тюремщиков.

В революциях прошлого народ брал на себя работу разрушения; что же касается работы строительства, он предоставлял ее буржуа. — «Лучше нас знакомые с искусством управлять, приходите к нам, господа; организуйте нас, прикажите нам работать, чтобы мы не умерли с голоду; помешайте нам уничтожать друг друга, наказывайте и мучите нас согласно тех законов, что вы создали для нас, нищих умов!» И мы знаем, как избранные пользовались приглашением.

Итак, задача, лежащая перед народом во время будущего восстания, это завла-

деть именно этой функцией, которую он некогда предоставлял буржуа. Она состоит в том, что надо создавать, — организовывать, уничтожая, и строить, чтобы разрушать.

И уже настало время ввиду этой перестройки соединиться, чтобы быть в состоянии немедленно приняться за работу: изучать ошибки предыдущих революций так же, как и их хорошие стороны; анализировать; что они сделали, чтобы обеспечить хлеб для всех, производство всех богатств и обмен продуктов, и главным образом равенство в правах, без которого не может быть ни справедливости, ни братства. Наконец, изучать по-товарищески способы избегания этих ошибок или, по крайней мере, уменьшения их насколько возможно.

Чтобы выполнить эту задачу, народная революция будет нуждаться во всем могуществе инициативы всех людей сердца, во всей смелости их мысли, освобожденной от кошмаров прошлого, во всей их энергии, всем их уме, она должна будет также остерегаться парализовать инициативу самых решительных; она должна будет просто удвоить их инициативу, когда ее недостает у других, когда она ослабевает или когда она принимает ошибочное направление. Смелость мысли и, главным образом, полное и ясное сознание того, что хочешь, не только в отвлеченных обобщениях, но и в применении к будничной жизни, сила созидательная, возникающая в самом народе по мере того, как растет отрицание власти, и, наконец, общая инициатива в созидательной работе, — вот что даст революции ту силу, которой она должна обладать, чтобы победить.

Именно эти силы старается развить активная пропаганда анархистов так же, как и сама философия Анархии. Дисциплине, — этому якорю спасения государственников, — они противопоставляют свободную мысль и полную инициативу всех и каждого. Какими идеями мелких реформ, провозглашенным обуржуазившимися партиями, они противопоставляют великую и свободную мысль революции, которая одна только мо-

JEAN GRAVE.

Как началось революционное движение во Франции

Я несколько не претендую на то, чтобы писать историю анархического движения. Мне недостает для этого необходимых документальных данных. Я только набрасываю беглый очерк, посвященный главным образом первым шагам движения во Франции.

Впрочем, дать исторический очерк развития анархических идей означало бы, в сущности, написать историю человеческой мысли. Пбо анархическая мысль содержится в зародыше уже в первых попытках критики власти, экономической организации и в первых порывах к свободе.

Если анархизм совершенно нов, как социальная теория, то проникающий его дух стар, как мир.

Чем являются все эти утопические картины общественного строя, авторы которых пытаются найти способ обеспечить каждому максимум довольства и максимум свободы при таком строе, где власть, даже самая суровая, имела бы задачей только обеспечить довольство для всех, свободу и гармоничную жизнь для всех?

Все, кто, начиная с самых отдаленных веков, восставали против злоупотреблений власти, против эксплуатации человека человеком, являются предшественниками анархистов.

Если в "утопиях", о которых они мечтали, собственность и власть играли еще

жет дать необходимое вдохновение. И тем, кто желал бы, чтобы народ ограничился ролью пушечной против правителей стаи псов, всегда во-время сдерживаемой хлыстом, мы скажем: "Участие народа в революции должно быть положительным и в то же время разрушительным. Потому что только он один может достигнуть реорганизации общества на основах равенства и свободы для всех. Возложить эту работу на других, значило бы изменить даже основы революции."

П. КРОПОТКИН.

кое-какую роль, то это потому, что даже наиболее передовые умы человечества не дошли еще до понимания того, что эти учреждения приносили больше зла, чем пользы, и извращали отношения людей между собой.

И выходило так, что чем больше утолист мечтал об уменьшении произвола лиц, управлявших обществом, тем более суровыми и сложными оказывались законы и правила, тем более неприкосновенным становилось право собственности.

Потребовались долгие века эволюции, чтобы люди поняли, что там, где человек может обогащаться среди всеобщего обнищания, там управление страдает пороком, и что там, где одни приказывают, а другие должны повиноваться, — не может быть свободы.

Однако, смелые умы, уже начиная с древних времен, провозглашали право всех на удовлетворение своих потребностей, а для индивида — право на освобождение от всякой опеки.

Нужно было дожить до 1848 года, чтобы увидеть первые контуры общества, могущего обходиться без закона, и чтобы появилось слово "анархия" для обозначения такого общественного строя.

**

Прудон употребил это слово для обозначения такого социального строя, при котором личность имела бы право на большую долю свободы, но, насколько мне известно, его анархизм был очень расплывчатым и сохранял еще не малую часть старой социальной организации. Его анархизм был таковым скорее в смысле намерения, чем на деле.

Но другие, до него, в период 1840 - 1850 г. г. видели уже дальше его. Бельгариг, Дежак, Вильгардель, Шюиш, Кердериу и некоторые другие начали уже понимать, чем должна быть социальная организация для того, чтобы быть гармонической и дать личности возможность поль-

зоваться наибольшей возможной свободой.

К несчастью, эти писатели не имели того успеха, какого заслуживали. Они были скоро забыты. Потребовалось дальнейшее развитие анархических идей для того, чтобы эти писатели вновь появились в литературе. А многие-ли из тех, кто называет себя анархистами, знают их, хотя бы по имени?

Государственный переворот, уничтоживший все свободы, задержал развитие социалистических идей во Франции.

“Как прекрасна была Республика в эпоху Империи,” — сказал кто-то. И, действительно, для многих республиканцев это был режим, при котором довольство должно было существовать для всех, а личность должна была пользоваться величайшей свободой.

Но как должен был функционировать этот режим? Это совсем иной вопрос. Немногие продумали его с этой точки зрения. Людям казалось, что достаточно провозгласить Республику для того, чтобы осуществилось величайшее благо для всех. Точно это имя само по себе было талисманом.

Увы, люди воображали, что учреждения дурны потому, что плохи были стоявшие во главе этих учреждений, и что нужно только сменить личный состав правителей, заменить их хорошими людьми, — и все пойдет, как по маслу. Опыт показал, что учреждения могут делать только то, для чего они существуют. Понадобились долгие века и значительный опыт, чтобы прийти к этому выводу. В конце концов, однако, люди к этому выводу пришли.

Вот почему Республика казалось прекрасной прежде, чем она стала действовать.

Когда Империя, приближаясь к 1869-70 годам, попыталась установить более либеральный режим, то несколько старых деятелей 48 года попытались возродить социалистическую традицию. К несчастью, они принесли с собой только туманные порывы, но никаких точных данных о том, чем должно быть новое общество, которое они хотели установить.

Не беда, спор можно было возобновить и по вопросу о социалистических идеях, и из этого спора могли бы родиться новые формулы, способные дать новое освещение задач.

Отсюда возникла идея объединить всех рабочих всех стран в один союз, где они обменивались бы мыслями, объединяли бы свои силы и протягивали бы друг другу руку для освобождения трудящихся, — освобождения, которое могло быть только их собственным делом. “Международное товарищество рабочих” родилось. Ему предстояло наполнить ужасом мир эксплуататоров и правителей.

Но пришла война 1870-1871, Империя пала, была провозглашена Республика, которая, натянув на себя башмаки Империи, продолжала ее традиции. Не имея, однако, возможности оставить печать в намерении, ни помешать свободе собраний, она вынуждена была выслушивать критику, жалобы и нарекания народа.

Вынужденная вооружить население для противодействия вторжению немцев и опасаясь, что не сможет его разоружить, если Республика, прогнав завоевателя, укрепится, временное правительство парализовало защиту. Оно предпочло договариваться с врагом, уплатить ему уступкой двух департаментов и большой контрибуцией, чтобы сохранить возможность восстановления монархии.

Несмотря на то, что Республика обанкротилась, идея довольства для всех, которую она имела с собой принести, слишком глубоко внедрилась в умы для того, чтобы от нее можно было отказаться. Частью на почве возмущения, вызванного сделкой с врагом, частью на почве ненависти к проделкам роялистов, вспыхнуло восстание 18-го Марса, из которого родилась Коммуна.

Но и здесь понятия не были на высоте желаний. Ни в массе, ни — увы! — у вождей, терявших свое время на бесполезные вещи, на бесплодные споры в

то время, как люди, возлагавшие на них свои надежды, из всех сил сопротивлялись армии, которую бежавшее в Версаль правительство вызвало из германского плена. Коммуна не сумела осуществить никакой реформы, способной произвести впечатление своей значительностью пережить Коммуну.

Смерть Коммун была смертью всей социалистической идеи. Репрессия была еще свирепее, чем в Июне 48-го года. 30.000 чел. были расстреляны, тысячи были сосланы и тысячи эмигрировали, — таков был итог движения, вызвавшего энтузиазм населения Парижа.

Задумав печаль, уничтожив свободу слова, возник тот режим, который просуществовал с 71 до 78-го года. Все это время военные суды продолжали действовать. В 78-ом году, накануне амнистии, которую палата депутатов вынуждена была вводить под давлением общественного мнения, в Сатори производились еще расстрелы.

**

Но если социалистическая идея была задумана на время во Франции, то все же она слишком внедрилась в умы, чтобы совсем погибнуть. Она не умерла. Прикрывшись оболочкой потребительных кооперативов, она вновь стала обсуждаться и завоевывать себе место под солнцем. Это был только робкий опыт, но этот опыт ждал только благоприятного случая, чтобы вырасти в размеры.

С другой стороны, в Испании, Италии, особенно в Швейцарии нашли себе убежище очень многие из тех коммунаров, которым удалось спастись от казней и ссылки.

Я недостаточно знаком с испанским движением для того, чтобы назвать имена, но я знаю, что существовали многочисленные секции Интернационала вопреки запретительным законам. Они были очень активны и имели свои газеты.

В Италии Андреа Коста, Малатеста, Кафьеро, Ковелли уже вели усиленную пропаганду. В 1877 г. они сочли себя до-

статочно сильными для того, чтобы рискнуть на восстание в Беневенте.

Отправившись в числе не более, я думаю, 12-ти человек, они попытались поднять население, раздав ему оружие и деньги из муниципальных касс, которыми они успели завладеть. К несчастью, за ними не пошли, и они вынуждены были рассеяться после того, как продержались в течение некоторого времени. Малатеста, Кафьеро и несколько других были арестованы и осуждены. Но пропаганда продолжалась своим порядком.

Маркс, содействовавший развитию Интернационала и считавший себя его хозяином, не мог переносить рядом с собою людей, вышедших себя, особенно же не мог видеть развития здесь идей более широких, вносившихся Бакуниным. Маркс предпринял кампанию клеветы против последнего. Результатом был раскол в Интернационале и его озлобление, откуда и пошло его разрушение, довершенное запретительными законами, издававшимися, главным образом, во Франции.

В Швейцарии Интернационал продолжал еще некоторое время существовать, приблизительно до 77 года, под именем Юрской Федерации, которая вела интенсивную пропаганду, несмотря на интриги марксистов.

Женева, средоточие иммиграции, Шоме - Фон, Сент-Имье были центрами пламенной агитации. Оба брата Реклю, Лефрансе, Брусс, Пинди содействовали развитию движения, несмотря на смерть Бакунина. Рядом с ними действовали: Джемс Гильом, русский * — Жуковский, француз — Берхтольд и Перрар.

Группа обогатилась позднее вступлением в нее Кропоткина. И в 1877 году был основан "Ле Револют", при содействии многочисленных швейцарцев. Но, запрещенный во Франции немедленно по своем появлении, он не мог туда проникнуть иначе, как в закрытом письме, что препятствовало его широкому распространению.

**

Это не мешало анархическим идеям

продолжать развиваться во Франции.

В Париже, Коста, Гед, Жало пытались организовать Интернациональный Конгресс, который был, однако, запрещен, а его организаторы подвергнуты преследованию и были осуждены на несколько месяцев в тюрьму.

Коста и Жало были анархистами. Коста в то время еще не ушел в политику, как он это сделал немного позднее. Гед стал марксистом после того, как был более или менее анархистом в Швейцарии, где он укрылся, чтобы избежать тюрьмы, к которой он был приговорен за статью, напечатанную в одном журнале в Монпелье.

При помощи Габриеля Девилля, Марука, Лабускьера, Эмиля Массара, Гед работал над организацией социалистического революционного движения, за руководство которым он боролся с Э. Готье, объявившим себя анархистом лишь после того, как он был обманут Гедом в своих надеждах стать вождем создававшейся партии.

Между тем, в 1877 г. был, наконец, востановлен закон об амнистии, под давлением общественного мнения.

После провозглашения амнистии образовались комитеты помощи амнистированным, — один по инициативе буржуазных политиков, под председательством Луи Влана, другой — по инициативе революционеров, которые не могли допустить, чтобы амнистированные вынуждены были идти за помощью к тем, кто во все время борьбы оставался на стороне их преследователей.

Но, несмотря на террор, несмотря на законы о преследовании, как я уже отметил в этой статье, развитие идей шло своим ходом, и большинство вернувшихся с каторги увидели, что их далеко обогнали, что их идеи превзойдены, и многие оказались неспособными усвоить новые идеи. Они не сумели понять, почему возникли два комитета помощи амнистированным. Большая часть их пошла в комитет Луи Влана, подталкиваемые к этому рекламой, которой он пользовался. Туда же направлялась большая часть пожерт-

вований.

Но деятельность революционеров не остановилась на помощи амнистированным. Они создали комитет помощи стачкам, которые имели быть объявлены, а также другим организациям, целей и задач которых я теперь не помню.

Параллельно создавалась пролетарская партия, которая, начавшись, как легальная партия, не замедлила объявить себя революционной и стала "Рабочей Партией"; отделившись от буржуазных партий, она заявила, что хочет приобретать членов для себя только в рабочем классе. Его главными лидерами были Приудан Дервилье, портной, Симон Созанс - сапожник, Эмме Лави - учитель. Их журнал "Пролетарий" был основан на акционерных началах.

Но эта новая организация не замедлила уйти в политику. Рабочего в ней осталось только имя и составлявшее его избирательное стадо. Что касается вожаков, то большая часть их вышла из буржуазного класса.

До амнистии, чтобы основать политический журнал, нужно было представить довольно крупный залог — 6.000 франков, насколько я помню, для еженедельного журнала, издающегося в Париже. Менее значительный залог требовался в тех случаях, когда журнал издавался в провинции, вблизи Парижа.

Геду удалось найти необходимую сумму, и в 1877 году при помощи своих адъютантов Лабускьера, Массара и других, он основал газету "Эгалитэ", которой впоследствии пришлось исчезнуть в результате одного судебного процесса.

Однако, после амнистии правительство вынуждено было ослабить нажим. Повсюду стали возникать кружки самообразования, и никто из организаторов не трудился обращаться к властям за разрешением, даже в тех случаях, когда число членов превышало законные 25 человек.

Для организации публичных собраний требовалось уведомить полицию, при чем

организаторы могли подвергнуться преследованию за всякое неосторожное выражение ораторов. Однако, это не мешало собраниям плодиться во множестве.

В те времена в Париже было множество больших зал: зала Риволи, зала Тысячи колон, зала Рошешуар, зала Старого дуба и другие, названий которых я не помню. Однако, мало по малу и, как мне кажется, систематически, этим залам стали давать другие назначения.

Как раз в разгар этого столкновения идей появилась анархическая идея. Немногочисленны были ее сторонники. В начале это были: Жало, о котором я уже говорил, Менвилль, кожевник, потерявший один глаз в сражениях за Коммуну. Я познакомился с ними на публичных собраниях. К нам присоединились несколько товарищей, в том числе Картеллье, необычайно развитый рабочий, который, однако, подвергшись бойкоту со стороны хозяев, вынужден был искать другую работу и покинуть движение при первых же его шагах. Здесь же был кожевник Фижак. Нас называли чертовой дюжиной, и, действительно, нас было, пожалуй, не больше дюжины.

Но мы основали группу пятого и тринадцатого округов в Париже, которая деятельно занялась распространением наших идей. Однако, в этом деле мы были не одни. В Париже уже образовались другие группы, в окрестностях города, которые также повели деятельную кампанию. В провинции, на юге, в том числе в Безье, Сетте, Монпелье и других городах возникли новые группы, заявившие себя сторонниками анархических идей и дружно взявшиеся за борьбу.

Гед и его группа посещали некоторое время нашу группу, но только для того, чтобы выловить у нас кое каких людей для поддержки его программы, — людей, которых он считал полезными для возмощения его газеты "Эгалитэ."

Гед предложил группе следующую революционную программу: "Захват обработанной и необработанной земли, подр зем-

ли, оборудования и обращения всего этого в общественную собственность. Захват должен быть произведен путем революции."

Воздержание от голосования не было прямо провозглашено, но "революционная партия не должна принимать участия в выборах иначе, как путем выставления кандидатур под вымышленными именами — чтобы считать свои силы — или путем кандидатур в знак протеста."

Но когда была вотирирована амнистия, то Гед удрал в Лондон, имел совещания с Марксом, Бруссом — изобретателем "пропаганды действием" — и с некоторыми другими лицами. Оттуда он привез "программу минимум", которая оставалась весьма революционной в своих исходных положениях, но совершенно реформистской по своему духу. Эта программа была опубликована в "Эгалитэ."

— ** —

Национальный Конгресс 1879 года в Марселе отметил собой пробуждение революционной социалистической пропаганды. В 1880 году состоялся конгресс в Париже. Этот конгресс не только был вполне революционным, но и стал, впервые во Франции, выразителем целостной идеи анархизма. Делегат группы 5-го и 13-го округов в Париже прочел в Конгрессе анархический доклад, рекомендовавший воздержание от участия в выборах. Покушение на русского царя произошло как раз незадолго перед Конгрессом, и делегат включил в свой доклад следующий выпад: "Деньги, израсходованные на избрание депутатов, лучше было бы употребить на покупку динамита, чтобы их взорвать."

Эта фраза заставила взвять всю буржуазную прессу и создала успех Конгрессу, ибо, окончив свой вой, буржуазная пресса послала на Конгресс репортера и напечатала подробные отчеты.

В Лионе движение быстро разраслось. Товарищи стали издавать журнал "Социальное право", который не замедлил навлечь на себя преследование и судебный процесс. Вынужденный приостановиться,

он уступил свое место журналу "Черное знамя", который в свою очередь был сменен журналом "Набат" ("Аларм") и, наконец, журнал стал называться "Анархическая гитда." Преследования усилились градом. Журнал вынужден был сменить по крайней мере 12 названий и каждый раз останавливался на втором или третьем номере.

Это был настоящий, типический бесприют между судебными властями и анархистами, которые не пугались суровых приговоров, а обзаводились каждый раз новым заведующим для замены того, который шел в тюрьму.

С каждым номером журнал повышал тон. Но денежные средства в конце концов иссякли, и по истечении года, если не больше, борьбы, журнал прекратился.

На севере, в Рубэ, Лилле, Турквене, Каэ были свои анархические группы.

Но в Монсо-ле-Мин шахтеры, уставшие терпеть тиранию директора Шаго, свирепого клерикала, стали собираться по ночам в лесу, так как собираться свободно нельзя было.

Естественно, настроение стало повышаться. При возвращении с этих собраний, рабочие взорвали несколько памятников и часовен. Произошло несколько столкновений. Правительство распорядилось произвести аресты (1882), в том числе среди анархистов.

Аресты были особенно многочисленны в Лионе, где произошло несколько взрывов, между прочим в учреждении, называвшемся "Западня", где собирался цвет лионских гуляк. Раненым оказался только один человек.

Кто был зачинщиком этого покушения? Никакой улики против кого бы то ни было не оказалось, но среди анархистов оказался шпион, как об этом стало известно позднее, и был арестован анархист по имени Сивокт. Несмотря на то, что против него не было ни малейшей улики, его все-таки сослали на каторгу, откуда он вернулся лишь через 15 лет, освобожденный новой амнистией.

В результате арестов, произведенных в связи с событиями в Монсо и имевшими место почти повсюду, правительство организовало суд с заранее подобранными судьями, ставший известным под названием Лионского процесса. К суду было привлечено от 50 до 60 товарищей Лиона, Марселя, Сент-Этьена, Монсо, Вены, в том числе Готье из Парижа, арестованный во время лекционного тура, и Кропоткин, арестованный в городке Тонон.

Процесс долго готовился. Мне удалось добиться возвращения мне вещей, которые у меня были захвачены (Я был арестован в Париже, в связи с тем же процессом, но потом отпущен). Среди возвращенных мне документов я нашел бумаги, свидетельствовавшие о том, что причиной моего ареста был "грабеж вооруженных банд." Так как на этом обвинении не удалось построить процесс, то документы были посланы в Шалон, а потом в Лион. Другой документ указывал, что я подлежу преследованию за "возбуждение ненависти одних против других."

Эти два обвинения, по моему предположению, были выставлены также против товарищей, арестованных вначале. И так как они были преданы исправительному суду "за принадлежность к Интернационалу", то всего оказывается три мотива, изобретенных для того, чтобы оправдать наш арест. Это доказывает, что когда идет речь о политических процессах, то людей сначала арестовывают, а потом ищут подходящих причин. В данном случае третий указанный мотив был не лучше двух остальных, ибо со времени Коммуны Интернационал фактически не существовал более во Франции. Есть все-же люди, которые утверждают, что административные аресты не существуют во Франции после Великой Революции.

Кропоткин, Готье, Бернард, Борда были осуждены на 5 лет в тюрьму каждый, другие получили по году или два, некоторые — по несколько месяцев и лишь очень немногие были оправданы.

Но эти приговоры никоим образом не

помешали развитию анархического движения, а скорее содействовали ему.

Нужно сказать, что в то время мы переживали беспокойное время. В России был убит царь Александр II. В Италии, в Испании происходили восстания. Многие верили в то, что мы находились накануне революции. Настроение было повышенное. Дело должно было кончиться кризисом, который правительство, своими мерами репрессий, не преминуло вызвать.

**

Рабочая партия выбрала день 1-го мая для забастовки и манифестации. Этого правительство не могло стерпеть. Оно запретило всякие манифестации.

В Париже префект полиции Андрие старался провоцировать анархистов, подослав к ним одного из своих агентов, который будто бы знал одну богатую англичанку, готовую принять на себя все расходы по изданию анархической газеты.

Но с самого же начала этот человек показался нам подозрительным. Он называл себя бельгийцем по имени Спиллей. Но этот глупец имел неосторожность дать нам имя и адрес англичанки в Лондоне.

Малатеста имел в Лондоне друзей, в том числе товарища Броша. Он написал ему и просил осведомиться, существует ли такая дама и имеет ли она возможность финансировать газету.

Ибо в то время еще существовало обязательство вносить залог.

Ответ Броша гласил, что дама в самом деле существует, но что она далеко не в состоянии субсидировать газету, а наоборот, сама нуждалась в помощи. Для нас все стало ясно.

Мы решили перехитрить хитреца. Мы не дали ему понять, что мы собрали сведения, а заставили его поверить, что сохраняем доверие к нему, и старались, чтобы он внес залог на мое имя (так как я имел стать заведующим газетой), с тем, чтобы потом от него отделаться.

Но он оказался хитрее нас. Я никогда не был дипломатом. Когда он зашел за мною, чтобы вместе пойти и внести залог,

то из моих объяснений и моего отношения к нему он понял, что мы ему не доверяем. Он бросил нас и пошел к Э. Готье, который, ничего не подозревая, нашел для него заведующего и редакцию. Таким способом и была пущена в ход "Социальная Революция", где сотрудничали Луиза Мишель, Готье и другие товарищи из провинции.

С самого начала мы пытались предостеречь товарищей. Мы составили заявление, что ничего общего не имеем с названной газетой и требовали помещения этого заявления в "Социальной Революции". Случилось ли это по недовольству того, кому мы поручили составить и отправить названное заявление, или то была ловкость тех, в чьих руках была газета, но результат был тот, что редакция газеты заявила, что их газета не имеет никакого отношения к нам.

А так как у нас были только предположения, без всяких доказательств, то нам было трудно предъявить определенное обвинение. И потом, подите, убедите людей, которые страдают зудом писательства, чтобы они отказались сотрудничать в газете, упавшей к ним с облаков. Исключение делаю для Луизы Мишель, которая повсюду видела только отличнейших людей.

Спиллей и два южаннина организовали нечто в роде покушения на статую Тьера в Сан Жермен-ан-Ле, взорвав вблизи нее коробку из под сардин. Но это фальшивое покушение привело лишь к другому взрыву ... хохота и не было принято всерьез. И Андрие только хвастает, претендуя, что он обманул анархистов. Он понял это настолько хорошо, что спустя год прекратил субсидию, приди к убеждению, что расходы не оплачивались.

**

В 1883 году произошла манифестация безработных на площади Пивалидов. Она была организована синдикатом етоляров. Вокруг черного знамени собралось около пяти тысяч манифестантов. Они пересекли Париж, разграбив по дороге несколько булочных. Их разогнали только вблизи пло-

шади Мобер, где были арестованы Луиза Мишель и Пуже, получившие позднее по 5 лет тюрьмы каждый.

В 1885 году в Женеве, под давлением германского правительства, был изобретен так называемый заговор, в котором обвинили немецких эмигрантов. Этот заговор имел будто бы целью взорвать федеральный дворец. Такая затея была бы глупостью, ибо немецкие эмигранты больше заинтересованы были в том, чтобы не возбуждать против себя гнева швейцарских правительств, чем в том, чтобы устраивать игрушечные взрывы. Обыски и аресты были произведены у всех известных эмигрантов. Эти обыски и аресты происходили под наблюдением германского прокурора, что показывает, откуда шел удар.

"Ле Револьте", первый чисто анархический журнал, основанный в Женеве Элизе Реклю и Кропоткиным и содействовавший развитию анархических идей во Франции, тоже пострадал. Его помещение было взломано полицией в отсутствие заведующего, т. е. меня, которого Реклю призвал, чтобы заместить товарища Герцига, вынужденного семейными делами оставить работу в газете.

Моя квартира также подверглась обыску, а моя корреспонденция задержана на почте. В этих условиях становилось невозможным продолжать издание журнала в Женеве. Реклю и я решили перевести его в Париж, несмотря на то, что доступ во Францию был ему запрещен.

Сделав в Париже необходимое заявление о регистрации газеты, "Ле Револьте" получил возможность показать своим властям и появиться там, куда ему был закрыт доступ. Первый номер появился 12 апреля 1885 года.

Если не ошибаюсь, в том же году произошла кража со взломом в отеле г-жи Липер. Покушавшийся расчитывал отнять украденную сумму для целей пропаганды. Но, вскоре арестованный, он был сослан на каторгу, после того, как признал на суде все приписанные ему действия, проявив при этом такую дикую энергию, что председатель суда приказал удалить его

из залы.

Этот акт вызвал такую кампанию клеветы со стороны гедистов, а некрепность Дювала была настолько очевидна, что, несмотря на кампанию, которую мы еще раньше провели в "Револьте" против кражи, мы увидели себя вынужденными стать на его защиту. К несчастью, это послужит в будущем оправданием людям, далеко не имеющим нравственных качеств Дювала и движимым незаслуживающими уважения мотивами.

**

Тем не менее, движение продолжало идти своим путем. Вопреки нескольким злонамеренным типам, проскользнувшим в его ряды и имевшим задачей свести с правильного пути слабые умы с помощью софизмов.

Началось это в зале Орель, где несколько времени царствовал шпион Мартино, проповедывавший кражу, выделку фальшивой монеты, печатание фальшивых кредитных билетов и т. д., причем ему помогали люди такого же лагеря, как и он сам, а также и некоторые наивные люди, неспособные здраво рассуждать.

С первых же дней нашего приезда в Париж оказалось необходимым сделать попытку остановить этот поток грязи, который, остановленный на мгновение, возобновился позднее с новой силой.

В течение этого времени аресты и преследования за преступления в печати не прекращались ни на минуту. Любопытно было бы дать список приговоров, которые сыпались на анархистов, не успевая, однако, угасить их пыл.

Мысль о том, чтобы выбрать 1-ое мая в качестве дня отдыха и международных пролетарских манифестаций, была большим успехом, но дала повод для новых преследований, так как правители не желали допускать никаких манифестаций.

Поэтому, накануне каждого 1-го мая полиция арестовывала всех известных деятелей под первым попавшимся предлогом с тем, чтобы несколько дней спустя освободить их. Но выражению судебного следователя, к которому они были доста-

влены, их отпускали на свободу "времен - но". И это было точно. В этот бурный период, кто был на свободе, мог считать себя только временно свободным, так как он ежедневно мог быть вновь арестован.

И то, что должно было случиться, случилось 1-го мая 1891 г. Рабочие в Фурми решили отпраздновать этот день путем манифестации, в которой приняли участие женщины и дети. Вооруженные ... цветами и зелеными ветками, они устроили шествие по соседним местам.

Но правительство, "страж порядка", было наготове. Войска, расставленные по местам, ожидали "врага". Как только манифестанты вышли на улицу, войска стали стрелять. Мне неизвестно, сколько было убитых и раненых среди женщин и детей.

Среди солдат оказался, однако, порядочный человек, капитан Нерси, который отказался вызвать войска, обязанные поддерживать порядок в Фурми, заявив, что задача армии защищать границы, а не стрелять в своих соотечественников. Излишне пояснять, что он был разжалован.

**

Возвращаясь к более ранним событиям.

В 1887 году в Америке совершено было легальное убийство тех, кого потом называли "чикагскими мучениками."

Пропаганда в Чикаго шла превосходно, раздражая местные власти. Руководители движения организовали митинг безработных в мае 1886 года. Митинг был одним из самых спокойных, и слушатели уже стали мирно расходиться, когда агенты сыскного бюро Пинкертона (частное агентство, специальностью которого было посягать на частным лицам вооруженных агентов для выполнения полицейских задач) ринулись на толпу. Во время схватки разорвалась бомба, убившая 7 полицейских и нескольких из них ранившая. В свою очередь полицейские стали стрелять в толпу и ранили нескольких социалистов.

Парсонс, Энгельс, Линг, Шинсе, Шваб, Фишер и Фильден, наиболее известные среди американских анархистов, были арестованы и, после пародированного суда, были осуждены на смерть или каторгу при пол-

ном отсутствии улик против них.

Накануне казни Линг покончил самоубийством, закурив начиненную динамитом папиросу, которую успели передать ему друзья. Швабу и Фильдену наказание было заменено каторжными работами, а остальные были казнены. Их поведение было полно достоинства и один из них, поднявшись на эшафот, заявил, что невиновность их скоро будет признана.

И действительно, в публиче стал циркулировать слух, что бомба была брошена полицейским.

Несколько лет спустя губернатор штата Иллинойс, Альтгельд, человек честный, что редко случается в политическом мире, распорядился пересмотреть процесс. Не виновность жертв была установлена, оставшиеся на каторге были освобождены, но казенных воскресить уже нельзя было. Это было концом карьеры губернатора Альтгельда.

Это юридическое убийство получило большой отклик среди трудящихся Старого и Нового Света.

**

В тот же самый день, когда произошли события в Фурми, анархисты в Леваллуа-Пере, вблизи Парижа, также вздумали манифестировать.

Из Леваллуа они отправились, имея во главе шествия красное знамя. Хотя их и было немного, но они стойко держались против полиции и жандармов, хотевших преградить им дорогу. Манифестация добралась до Парижа. Но здесь, около площади Клиши, полицейские получили подкрепление. Произошло еще одно столкновение, в ход были пущены револьверы, но никто не был ни убит, ни ранен. Манифестанты были рассеяны, оставив в руках полицейских несколько человек, избитых полицией.

Отправленные в участок, арестованные вновь были избиты, при том так жестоко, что некоторых из них пришлось отпирать в госпиталь. Среди тех, кто был предан суду, Декан, Дардар, Левейе были сильнее других избиты, до такой степени, что от полученных ударов они еще стра-

дали в то время, когда предстали перед судом.

Разыграна была комедия суда. Озлобленность прокурора Дюло и придирчивость председателя Бёнуа возмутили всех. Де-кан был осужден на 5 лет тюрьмы, Дардар на 3 года, а остальные были оправданы.

Спустя несколько времени произошла кража динамита на одном складе в Суази-Этиоль, что вызвало новые аресты и новые приговоры, между прочим осужден был и Ж. Этьеван, который прочитал на суде "Декларации", поразившие всех ясностью и стройностью изложения.

Затем, в один прекрасный день взорвались две бомбы, одна в доме прокурора Дюло, другая в доме председателя суда Бёнуа, причинив только материальные убытки и повреждения. Это покушение получило огромный отклик: сильнейший страх овладел всей буржуазией, и сами правители были потрясены не менее других.

Дюло плакал в жилетку репортера, заявляя, что ремесло судьи становится невозможным, если судей делать ответственными за аресты. По его мнению, анархисты бесспорно были бездельники, ибо они дерзнули покуситься на судебную власть, которую до сих пор уважали все политические партии.

Страх был тем более велик, что невозможно было знать, кто был или были виновники этих покушений.

Потом пошли и усилились слухи, что виновником этих покушений был Рава-шоль, несколько времени тому назад заочно осужденный за убийство человека в Шамбле, около Сант-Этьена, известного под названием отшельника.

Как удалось полиции выследить Рава-шоль? Последний рассказал о своих проектах кое-кому из окружавших его, в том числе некоему Шомартену. Именно Шомартен был заподозрен — и, повидимому, с полным основанием, в том, что он был доносчиком. Покушения были совершены с помощью динамита, украденного в Суази-Возле Этиоль.

Приметы и фотография Равашоль бы-

ли напечатаны во всех газетах. И однажды, когда Равашоль имел неосторожность привлечь к себе внимание лакея Лерпо, подававшего в ресторане Вери, где Равашоль обедал и попутно старался обратить Лерпо в свою веру, Равашоль был арестован по доносу этого лакея.

Но приближался день 1-го мая, и как раз в тот день должен был начаться суд над Равашолем. Чтобы успокоить трусов, полиция арестовывала всех известных ей анархистов. Буржуазия могла таким образом спокойно очистить общество от того, кто ее так напугал.

Да, но ... накануне процесса взлетел на воздух ресторан Вери, где произошел арест Равашоль. На этот раз страх дошел до крайнего предела. Оказывалось, что, не смотря на арест всех известных анархистов, общество не было защищено от их удара. Осудить Равашоль на смерть не посмели. Правда то, что при этом имели в виду предстоявший суд над Равашолем за убийство отшельника в Шамбле. Он предстал перед судом в Монбрезон, где и был осужден на смерть и казнен.

Этот год (1892) был вообще богат покушениями. В Америке, в учреждениях знаменитого филантропа Карнеги разразилась забастовка, во время которой полицейские Пинкертона расстреляли забастовщиков.

Чтобы отомстить за убитых, анархист Беркман выстрелил в Фрика, состоявшего доверенным лицом Карнеги. Это было в октябре.

В Париже, в ноябре найдена была бомба вблизи конторы компании рудников в Кармо, на авеню де л'Опера. Несколькими неделями раньше произошла забастовка на рудниках этой компании, вызванная жадностью лиц, управлявших этой компанией и занявших во время забастовки чрезвычайно вызывающую позицию.

Если бы бомба взорвалась там, где она была положена, то она не причинила бы большого вреда акционерам, но вызвала бы жертвы среди работавших в швейной мастерской, находившейся этажом выше.

Более умная, чем ее владелец, бомба подождала взрываться до момента, когда она была перенесена в полицейский участок на улице Добрых Детей. Только там произошел взрыв, ранивший с подюжинны полицейских, из которых один умер от потрясения. В ноябре 1893 года в театре Лицео, в Барселоне, была брошена бомба в зрителей из оркестра, при чем ранено было около 20 человек.

Это покушение вызвало новый взрыв страха, не только среди буржуазии, но и среди многих других. Неужто станут убивать невинных? На этот вопрос анархистам очень трудно было дать ответ.

Но когда виновник покушения стал известен, то узнали, что он был прежде арестован без всякой причины, заключен в тюрьму, подвергнут пытке, как это умеют делать испанские полицейские и судьи. Покрытый ранами, он дал клятву отомстить. Однажды получив свободу, он беспомядно сдержал свое слово. Этот акт не имел себе оправдания, он объяснялся предшествовавшими жестокими действиями, совершенными по приказу тех, кто считал себя представителями юстиции.

**

К концу того же года Вальян бросил бомбу в членов палаты депутатов, но ему удалось только испугать их. Однако, этот страх был так силен, что в одно мгновение ока депутаты проголосовали те знаменитые законы, которые общественное мнение прозвало "подлыми." В силу этих законов достаточно было установить факт принадлежности человека к известного рода идейному философскому течению, чтобы навлечь на него наказание, установленное за принадлежность к "сообществу злоумышленников", хотя бы при этом осужденные не знали друг друга и никогда не встречались раньше. Шпионство вменялось в обязанность даже членам семейств под страхом преследования за соучастие. Простого заявления шпиона было достаточно, чтобы сослать обвиняемого на каторгу.

Этому покушению предшествовало несколько других, не имеющих значения.

Вальян заявил, что он не хотел никого

убивать, а только имел в виду дать предостережение. Действительно, никто не пострадал; тем не менее, он был приговорен к смерти и казнен.

Так торопились осудить его, что не захотели дать Ажалберу, которого он избрал своим адвокатом, время, необходимое для серьезного изучения дела. При таких условиях Ажалбер отказался стать соучастником этой несправедливости. Менее добро-совестный, Лабори согласился его заменить.

На этот раз правительство было вооружено законами, которые позволяли ему, как оно думало, отделаться от "анархической ракалии." Оно распорядилось приступить 1-го января к арестам всех, кто был известен полиции, как анархист. Кто не был арестован в тот день, был арестован на несколько дней позже. Это продолжалось до июля. Арестовывали, освобождали наудачу, не решаясь прекратить аресты. В течение 6 месяцев судьи Акален и Майер потели над составлением обвинительного акта, который им никак не удавалось закончить.

Придя в ярость, анархисты прибегли к репрессиям. Бомбы стали бросать повсюду: около церкви Мадлен, в ресторане Фуайо, где был ранен Тальяр, заявивший репортеру по поводу этих покушений следующее: "какое значение имеют жертвы, если жест прекрасен?" Бомбы брошены были также в казарму Лабо. Но больше всего страха причинила та бомба, которая взорвалась в кафе Терминус и причинила несколько жертв.

Виновник был арестован. Это был Эмиль Апри, бывший ученик политехнической школы, сын полковника Апри, участника Коммуны.

На суде Апри был так энергичен, что вызвал к себе уважение своим поведением. Во время следствия он признал себя виновным также и в том, что он бросил бомбу на улице Добрых Детей.

В объяснение своего поступка он заявил, что в современном обществе никто не может считать себя невинным в совершающемся зле и что, даже ударив на-

удачу, он был уверен, что ударит виновного.

Теоретически можно оправдать многое, но такое доказательство является спорным. Энергичное поведение Анри отвлекло внимание от его сомнительной аргументации.

Эмиль Анри в свою очередь взмолился на эшафот.

**

Но казнь Вальяна, который никого не убил, вызвала негодование анархистов. Однако, не только они называли эту казнь легальным убийством. Президент Карно, которого обвиняли в том, что он не помешал этому убийству воспользовавшись своим правом помилования, был убит в Лионе, где он был проездом, и пал от руки Казерио, молодого итальянского анархиста.

На этот раз решено было создать процесс, на который прежде не решались. 30 анархистов были выбраны и преданы суду присяжных заседателей департамента Сены. Чтобы оказать воздействие на присяжных заседателей, к группе тех, кто отстаивал свои революционные взгляды устным и печатным словом и на ком не было никакой другой вины, присоединили банду взломщиков.

Процесс длился 7 дней и, несмотря на "предосторожности" судей и судебных следователей, дело окончилось полным оправданием всех тех, чья вина состояла только в отстаивании своих убеждений.

Растерявшееся правительство не посмело приступить к новым арестам и возобновить преследование. Впрочем, политики и без того вели войну против президента республики, Казимира Перье. Война окончилась отставкой Перье.

В течение этого промежутка времени деятельность анархистов почти прекратилась. Многие из них перенесли свою деятельность в синдикаты и увязли в них.

Может быть два или три товарища в провинции были еще посланы на каторгу, но аресты прекратились.

Эти долгие месяцы преследований оказали воздействие на анархистов. Аресты их пачками, по несколько сот человек, не возможность назвать себя анархистом, не

получив 20 лет каторги, до некоторой степени дезорганизовали движение. Газеты не могли более появляться под названием анархических. Трибуна, хотя и ранее не бывшая свободной, стала теперь еще менее свободной.

Вступление анархистов в синдикаты имело ту хорошую сторону, что до того времени синдикаты прозябали в руках политиканов, под влиянием же анархистов они стали на революционный путь, освободились от парламентаризма и политики и получили силу и размах, каких не знали еще до того времени.

**

В 1895 году, после отставки Казимира Перье, его заместителем был избран Ф. Фор, существо ничтожное и тщеславное. Этот человек был предназначен для того, чтобы кончить свою жизнь скандалом, который его окружающие пытались скрыть от публики, но который стал в конце концов известным. Если о нем не говорили открыто, то шептались об этом друг другу на ухо.

Как бы там ни было, а при его вступлении в должность, была провозглашена амнистия, которою воспользовались несколько анархистов, еще находившихся в тюрьме во Франции, но из которой были исключены все те, кто был на каторге.

Между тем волна репрессий стихла, становилось свободнее дышать.

4-го мая 1895 года появилась газета "Новые Времена", продолжатель "Революта" и "Ла Револю". Затем, 12-го мая, появилась "Ла Социаль", заменившая "Ле Пери Пеннард". Несколько времени спустя Фор основал "Либертер", который, проходя через несколько рук, вел довольно бурное существование.

Единственная перемена, внесенная в "Новые Времена", состояла в том, что если в "Революте" и "Ла Револю" статьи не подписывались, то в новом журнале их приходилось подписывать.

Когда появился "Ле Революте", то небольшая группа анархистов потребовала, чтобы все держалось как можно теснее вместе, чтобы быть едиными и бить силь-

нее. Отсюда анонимность и строгий ригоризм в выборе статей.

Так как число анархистов увеличилось, то не было больше нужды в таком узком ригоризме. Тем более, что число писателей, оказывавших нам содействие в деле распространения наших идей, обещали нам свое сотрудничество. Надо было, сохраняя общую линию нашего поведения, открыть несколько шире двери для тех, кто хотел оказывать нам содействие.

Что касается перемены названия, то, не зная, будут ли "подлые законы" строго применены, мы считали опасным возобновить название "Ла Револют" и назвать себя в подзаголовке анархическим органом. А так как продавцы подлежали преследованию наравне с заведующим и редакторами, то мы рисковали не найти продавцов, если бы пожелали сохранить старое название.

Но правители уже устали, или были заняты погоней за другими врагами. Несмотря на то, что возобновление "Ла Револют" было широко анонсировано в печати, журнал все же появился и мог продолжать выходить без всякой помехи. Движение также не встречало помех. Однако, препятствия не замедлили явиться.

Сначала, как я уже сказал, движение потеряло некоторых из своих наиболее активных членов, ушедших в синдикальное движение с головой и нашедших там применение для своей активности,—главным образом, обслуживав чистое синдикальные задачи.

Затем появились эсперанто и нео-малтузианство, которые, особенно нео-малтузианство, отняли у движения еще других активных членов. Все это не мешало движению развиваться. Если кому удалось серьезно задержать его развитие, то это были псевдо-индивидуалисты. Некоторые из них состояли на службе в полиции и принесли нашему движению много зла. Но об этом мне придется говорить позднее.

Нео-малтузианцы исходили из того, в основе своей правильного принципа, что нужно иметь столько детей, сколько вы

можете воспитать, и воздерживаться от деторождения, если здоровье ваше так плохо, что ваше потомство обещает быть рахитичным и будет состоять из дегенератов. Такова же была точка зрения анархистов.

Но пришли люди более крайних взглядов, находившиеся под влиянием Робена, проповедывавшие, что производству детей — дело антиреволюционное, что чем меньше их иметь (тем самым сокращая число рук на рынке труда и улучшая судьбу рабочих, которые таким образом будут в состоянии добиваться лучших условий труда), тем лучше. Кроме того, индивидуалисты доказывали, что одного ребенка легче воспитать: что женщина имеет право на аборт; что некоторые стали торговать английскими предохранителями и абортивными лекарствами; что салонники выдают себя за врачей и дают врачебные советы, а также делают аборт, рискуя искалечить несчастных, одуроченных их болтовней.

Писать книги об этих вопросах стало также очень выгодным. Значительная часть деятельности получила ложное направление.

Пропаганда шла понемногу своим путем, без выдающихся событий, когда страна внезапно была потрясена большим скачком, произошедшим в армии и в политическом и судебном мире. Это было дело Дрейфуса.

**

Большой скандал возник, когда обнаружилось, что один офицер, миллионер, еврей, находился в связи с германским посольством и поставлял ему секретные документы. Будучи арестован, этот офицер, по фамилии Дрейфус, заявил о своей невиновности и не переставал протестовать вплоть до момента разжалования.

Какие побуждения могли заставить офицера миллионера стать предателем? Таким побуждением не было желание заработать несколько грошей, в которых у него не было нужды. Каковы же были причины? Об этом и должны были спросить себя обвинители. Но ведь это был еврей — дрянь, способная на все! Несмотря на все

его заявления о невинности на заседании, где состоялось разжалование, — заявления, которые своей видимой искренностью и правдивостью поразили всех слышавших их, — несмотря на старания и мольбы его семьи, которая не покидала его ни на один момент, Дрейфус был сослан на Чортов Остров, где прожил пять лет, не видя никого, кроме своей стражи.

Потом волнение стихло, протесты Дрейфуса, его заявления о своей невинности, были забыты. Но его семья, уверенная в его невинности, не могла допустить, чтобы он был принесен в жертву низменной мести своих недоброжелательных коллег. Имея деньги, семья Дрейфуса сумела добиться пересмотра дела. Бернар Лазар, который мог дорого заплатить за свою пропаганду в пользу жертвы антисемитов, напечатал две брошюры, где разоблачил тот новый факт, что во время заседания суда ему тайно был предъявлен, без ведома защиты, сборник документов, который и был причиной осуждения.

Некоторые газеты, основанные подобно газете "Аврора" для поддержки кампании, и к которым присоединились те газеты, которые стремились знать только правду, стали комментировать брошюры, и публика заинтересовалась этим вопросом. Сверхпатриоты, клерикалы, антисемиты метали гром и молнию против "изменника", обвиняя его защитников в том, что они состояли на жаловании у еврейского комитета. Дело вызвало такое ожесточение, что в провинции, как и в Париже, ни о чем другом не говорили, как только о виновности или невинности Дрейфуса. Люди оскорбляли друг друга, дрались на собраниях. Роялисты отличались своей грубостью по отношению к тем, кто имел несчастье высказывать мнение, что, в конце концов, может быть Дрейфус и невиновен.

В этом вопросе о справедливости анархисты не могли стоять в стороне. Может быть двое или трое вступили в борьбу не совсем бескорыстно, но в качестве защитников справедливости и истины, анархисты обязаны были принять участие в столкно-

вении и потребовать, чтобы защитники осужденного получили возможность предъявить все доказательства невинности своего клиента, и чтобы Дрейфус был освобожден, если он будет признан невинным.

Вступив в борьбу, анархисты стали наводить порядки на собраниях. Роялисты, очень храбрые, когда их было десять против одного, получили несколько взбучек, которые заставили их сбавить воинственность. От времени до времени они брали реванш, когда им случалось быть в превосходном числе по сравнению с их противниками, но отныне уже "дрейфусары" получили возможность выступать на публичных собраниях, не подвергаясь избиениям.

Дело закончилось пересмотром процесса, новым осуждением, рассчитанным на то, чтобы дать удовлетворение сверхпатриотам, с признанием смягчающих обстоятельств, а затем Дрейфус был помилован и освобожден, чтобы дать удовлетворение его защитникам.

Но из этого дела выяснилось столько злоупотреблений, оно обнаружило столько несправедливостей, что правительство, армия и суд вышли из него покрытые грязью. Уже одно это оправдывало вмешательство анархистов в борьбу.

**

После этого периода брожения восстановилось спокойствие, и анархическая пропаганда мирно развивалась. Несколько молодых буржуа, во время дела Дрейфуса встречавшиеся на собраниях с анархистами, схватились за мысль, выдвинутую одной из их групп. Они задумали "воспитывать народ" и основали, при помощи нескольких анархистов, то, что было названо "народными университетами", куда можно было заходить каждый вечер и беседовать на различные темы, связанные с народным образованием.

Каждый, кто мог связать несколько фраз, стал выступать с трибуны. В начале все такие ораторы отличались своим усердием. Но если одни были искренни, то

других толкала только жажда рекламы. По немногу усердие остыло. Подбор предметов стал бессистемным, слушатели также стали менее многочисленными, и большая часть народных университетов исчезла, не оставив заместителей.

Но среди анархистов всегда существовало течение, которое мечтало только о бомбах, убийствах и поджогах. С их точки зрения, анархистом был только тот, кто восклицал: Революция! Революция! Революция!, не заботясь о том, во что революция превратится и что она совершит. "Строить баррикады, убивать буржуазию, а там видно будет." Все это было не более, как революционная словесность этих безумцев революции, которые, однако, остергались проводить свои идеи на практике. Вся их деятельность выражалась в словах.

Эрве и все те, кто пошел за ним, основали "Ла Герре Сосналь" и, посвятив себя этому словесному революционизму, прославляли "гражданина Браунинга" и тем давали пищу всем, сбившимся с правильного пути. Этим самым последние уверялись в своей ошибке, в том числе не сколько человек искренних, но обладавших мало критическим умом. Эти последние дали себя запутать парадоксами Эрве и некоторые из них дорого заплатили за то, что всерьез приняли идеи, бывшие не более, как парадоксами.

**

Но больше всего вреда принес анархизму тот уклон, который получил название индивидуалистического течения. Это течение сначала развивалось очень медленно, не причиняя большого вреда и встречая терпимое отношение со стороны искренних товарищей. Последние, ссылаясь на то, что все идеи свободны, не хотели видеть ту вредную работу, которая скрывалась за этим движением, претендовавшим на принадлежность к анархизму.

Если власть отказалась от преследований, то это не мешало ей стремиться отделаться от анархического движения. Она посылала агентов, которые должны были по-

двигать движение, направив некоторых из его участников на ложный путь. Крайности некоторых индивидуалистов, без сомнения искренних, но сбившихся с правильного пути, облегчали агентам их задачу.

Анархисты хотят свободы для личности. "Но ведь того же хотят и индивидуалисты. Для того, чтобы личность могла действовать вполне сознательно, вполне свободно, без всякой помехи, она должна зависеть только от самой себя, никому ни в чем не давая отчета."

Анархисты хотят сделать революцию, чтобы отнять у капиталистов все то, что они украли у пролетариата. — "И это справедливо! Но почему же ждать революции? Трудящиеся имеют право отнять то, что им принадлежит, где бы оно ни находилось и притом любыми способами, кражей, выделкой фальшивой монеты, и даже путем проституции." Быть может, они не употребляли таких грубых слов, но смысл был именно таков.

А так как анархисты утверждали, что личность, когда общество отказывает ей в средствах для существования, имеет право не умирать с голода, то агенты полиции — или министерство внутренних дел — как будто оказывались правы с точки зрения тех, кто удовлетворяется упрощенными рассуждениями.

(Окончание следует)

ЖАН ГРАВ.

MAX NETTLAU.

П. АРШИНОВ И „ПРОБУЖДЕНИЕ“

— »О« —

21 марта с. г. мне была прислана из Парижа брошюра Аршинова „Анархизм и диктатура пролетариата.“ На 10-ой странице этой брошюры он указывает на меня, как на сторонника объединенного фронта всех недиктаторских партий. Я в тот же день написал ему письмо об этом. Сегодня, 26 марта, тов. Фридман прочел для меня выдержки из статьи Мрачного, помещенной в газете „Фрайи Арбайтер Штимме“ от 26 февраля, выдержки, имеющие отношение к указаниям Аршинова обо мне на 10 странице его брошюры. Чтобы читатели знали, о чем идет здесь речь, я приведу полностью цитату, сделав к ней несколько примечаний. В брошюре сказано:

“Многие видные анархисты к критике советского строя подходят с точки зрения буржуазной демократии. Последняя для них несомненно является более близкой общественной формой, нежели строй рабочего государства. Укажем, например, на М. Неттлау. В своих „Впечатлениях в революционной Испании“ он прямо заявляет, что общественными событиями, имевшими прогрессивное значение для человечества, были: „Русская мартовская революция 1917 г., революционные события 1918-1919 г. г. в центре Европы и великая перемена в Испании в 1931 г. Революции со „специальными социальными целями“, т. е. классовые революции, он отвергает, как приводящие к диктатуре. Такими революциями он считает Парижскую Коммуну в марте 1917 г. и Октябрьскую революцию в России в 1917 году.“

Статья, откуда взяты приведенные мои мысли, была послана мною не в „Рассвет“, как ошибочно указывает Аршинов, а в „Пробуждение“ — журнал, издающийся группой русских рабочих в Детройте. Показалась ли эта статья и в „Рассвете“, — этого я не знаю. Но Аршинов, который наверно читает оба органа, несомненно знает, что статья сначала была помещена в

№ 16 „Пробуждения“, а затем только перепечатана в „Рассвете“ — газете, которую он всегда кричит...

Привожу далее другую цитату из брошюры Аршинова (стр. 10):

“Из уст авторитетного анархиста, имеющего международное значение, мы слышим осуждение классовой пролетарской революции и похвалу общенациональной, т. е. буржуазной революции. В другом месте, протестуя против диктатур, в частности, против диктатуры большевизма в СССР и против возможной диктатуры социал-демократии в Западной Европе, он пишет: „Нет никакого выхода из этого положения, кроме разумного и честного соглашения между всеми сторонниками недиктаторских, свободных и добровольческих форм социализма, анархизма и социал-реформизма.“ Здесь мы имеем проповедь соглашения с социалистами и социал-реформистами, направленного против революционной диктатуры рабочего класса во имя буржуазной демократии.“

В этой цитате не совсем верно выражены некоторые мои мысли. Не знаю, что заставило Аршинова так поступить — непонимание, неосторожность или ненависть. Впрочем, с тех пор, как Аршинов выступил защитником диктатуры пролетариата, чем отделил себя от анархического движения, его личность нас больше не интересует. Его место среди большевиков, среди которых он работал в 1904-6 годах, редактируя одну большевистскую газету.

Несколько лет тому назад я поместил в некоторых анархических органах серию статей, основная мысль которых была: „против диктатуры.“ В этих статьях я указал на то тягостное положение, которое создается в результате установления диктатуры одной социалистической партии (большевиков), преследующей другие течения и их сторонников — социалистов, анархистов, синдикалистов и т. д. Я спрашивал: неужели

ли это повторится еще раз? Неужели социальная революция всегда будет означать захват власти одной партией и преследование других партий, становящихся жертвами ГПУ? Это означало бы конец социализма и установление новых деспотий. Против этого, говорил я, есть одно средство: все свободные социалисты и вообще противники всякой диктатуры должны объединиться и дружно выступить против диктаторской социалистической партии, стремящейся насильно навязать свои идеи трудовому народу. Для этого необходимо распространить среди всех недиктаторских элементов идеи солидарности и свободы. Необходимо также, чтобы все различные социалистические группировки прекратили внутреннюю борьбу, работали сообща и дружно для практического торжества социализма.

Эти идеи, знакомые Аршинову из моих статей в "Пробуждении", не нравятся нашему защитнику диктатуры и он утверждает, что я защищаю буржуазную демократию и работаю "против революционной диктатуры рабочего класса", — в то время, как я говорил от имени всех искренних противников диктатуры: анархистов, синдикалистов и свободных социалистов, т. е. именно они, вместе с другими противниками диктатуры, должны выступить против диктаторского насилия одной партии.

Первая цитата (№ 16 "Пробуждения", стр. 80), которую Аршинов приводит из "Рассвета", появилась в связи с моими указаниями на критику тех товарищей, которые в своей поспешности назвали Испанскую революцию 1931 года Мартовской революцией Керенского, за которой непременно должна следовать ленинская революция, а также и тех нетерпеливых товарищей, которые все время требовали от испанских анархистов начать немедленно социальную революцию. Я ответил на это следующими историческими указаниями:

Три великих события научили нас теперь, что революционные перемены широкого значения и серьезного характера не являются результатом усилий и успехов одной какой-нибудь революционной партии

или организации: такие события наступают, когда общая причина побуждает все передовые силы народа к действию. Результат здесь не является торжеством какого-нибудь одного принципа. Такое торжество единого принципа может наступить лишь позднее, в результате насилия, приводящего к диктатуре, к той диктатуре, которая всегда имеет много опасных врагов. Такими событиями являются: мартовская революция 1917 г. в России, революционные события 1918-1919 годов в центральной Европе и революция в Испании в апреле 1931 года.

Я далее указал и на то, что специальные революционные восстания или вспышки не могут иметь широкого значения и могут держаться только посредством оружия или благодаря насилию. Они всегда оканчиваются поражением, как Парижская Коммуна 1871 года, или будут держаться на насилии, как Россия, начиная с 1918 года — где существует диктатура, с которой анархисты не могут согласиться, разве только в том случае, если они отойдут от анархизма, как это сделал Аршинов*).

Мне передают, что в одном из недавних номеров газеты "Фрай Арбайтер Штимме" тов. Зубрин критиковал мое сотрудничество в "Пробуждении". Русские товарищи, издающие этот журнал, принадлежат к тем немногочисленным анархистам, которые всегда проявляют большой интерес к различным вопросам анархизма. Они обратили ко мне несколько лет тому назад за помощью, и с тех пор я продолжаю присылать им свои статьи. Особенно интересной и приятной была для меня работа по приготовлению большого Кропоткинского номера журнала "Пробуждение" (№ 15), вышедшего из печати в феврале 1931 г. на 176-ти страницах. Для этого номера я по-

* Прим. Редакции: В следующем номере "П." будет помещена статья М. Нетлау о возвращении П. Аршинова в лоно большевизма.

слаб им 137 нигде еще ненапечатанных писем Кропоткина со своими примечаниями, занимающими 90 страниц. Они просили меня прислать им статьи от наших старых товарищей, и я сделал это с той же охотой, как и несколько лет тому назад по просьбе Джозефа Ишиля для его английского издания книги о Кропоткине в 1931 году. Для этого номера Жан Грав прислал, вместо статьи, много интересных писем. Маагестас по моей просьбе написал свои воспоминания о Кропоткине. Моя собственная помощь заключалась в присылке 5 статей по истории анархизма. Я также прислал статьи по различным теоретическим вопросам, как и по таким вопросам, как анархизм и война, анархизм и национализм, анархизм и большевизм и анархизм и федерализм. И все эти вопросы я разбирал с трех точек зрения: исторической, теоретической и моей личной.

В этом заключается мое сотрудничество в "Пробуждении". Каждая строка статей написана с интересом, удовольствием и полной самостоятельностью. Мои русские друзья, насколько мне известно издавала, очень мало знакомы с иностранными языками, но, как анархисты, они, понятно, хотят читать анархические статьи. Несмотря на свое уважение к прошлому, как это доказывает их большое усилие издать Кропоткинский номер журнала, они хотят иметь живой материал по анархизму и они ищут анархических сотрудников во всех странах. На русском языке они могут начитываться разве только критическими статьями о "Платформе", которая, возможно, и привела Аршинова к теперешнему его шагу —

признанию диктатуры. На русском языке они также могут видеть, как анархо-синдикализм вырождается в чистый синдикализм и анархизм отодвигается на задний план — на далекое будущее, подобно тому, как Маркс, Энгельс, Ленин и другие марксисты в своей астрономической дальновзоркости предсказывают "естественную" смерть диктатуры. Вот эта литература не могла удовлетворять русскую группу в Детройте, которая ищет живого слова в анархизме, который все еще живет и находит новых сторонников. И я, конечно, был рад писать для моих друзей серьезные анархические статьи.

Я думаю, что русские анархисты, выступающие против "Пробуждения" на том основании, что этот журнал, мол, не анархический, не правы. Не правы также и те товарищи, которые думают, что чем больше в этом журнале будет анархических статей, тем больше вреда будет для анархического движения, ибо издатели "Пробуждения" — клерикалы, мистики, монархисты, антисемиты, националисты, белогвардейцы и т. д. Я думаю, что это — незаслуженный упрек, часто бросаемый этому журналу его многочисленными врагами. Выступления этих последних я считаю плодом или результатом фанатизма, узколюбия и партийной нетерпимости к инакомыслящим и к инакодействующим. Товарищи, группирующиеся вокруг "Пробуждения", — хорошие анархисты и мы все должны помогать им в их важной работе по изданию хорошего анархического журнала, каким несомненно является "Пробуждение."

М. НЕТТЛАУ.

ДЕЛЬТА

КАНДИДАТ В ЧЕКИСТЫ

В октябре месяце прошлого года П. Аршинов выпустил в свет брошюру (16 страниц) под заглавием "Анархизм и диктатура пролетариата." Эту брошюру Аршинова следует назвать "Платформой № 2", так как она является дополнением к его "Организационной платформе", опубликованной в 1926 году.

В брошюре Аршинова, в сущности, нет ничего нового. Кто внимательно читал его "Организационную платформу", тот видел, что она является только предисловием к настоящей платформе. Читал "Организационную платформу" Аршинова, каждый идейный анархист знал, что Аршинов не сказал в ней **самого главного**, и что он рано или поздно должен будет выпустить вторую платформу и показать в ней свое подлинное лицо.

Так это и случилось. Через 5 лет после появления "Организационной платформы" он выпустил в свет вторую платформу, в которой довел до логического конца свою основную мысль о власти и государстве.

Говоря о своей "Организационной платформе", Аршинов пишет следующее:

"Со времени выхода в свет "Организационной платформы" (1926), на меня с разных сторон посыпались обвинения в стремлении большевизировать анархизм, подменить его безвластную природу властическими положениями."

Это, конечно, верно. Когда вышла в свет "Организационная платформа", все видные европейские анархисты отнеслись к ней отрицательно и заявили, что она противоречит основным принципам анархизма и по существу является не анархической, а большевистской платформой. Аршинов, однако, не соглашаясь с подобной оценкой его уродливого детища и продолжал утверждать, что он написал свою платформу не для того, чтобы разлагать анархическое движение, или подчинить его Коминтерну, а чтобы укрепить и расширить его.

Аршинов клялся всеми своими святынями, что он является стопроцентным анархистом, и что он чувствует себя странно оскорбленным, когда некоторые анархисты заподозревают его в сочувствии большевизму.

И вот, вместо того, чтобы опровергнуть все обвинения и подозрения, Аршинов во второй своей платформе заявляет, что анархисты были правы, когда обвиняли его в умышленном разложении анархического движения. В своей брошюре Аршинов открыто исповедуется перед анархистами: да, я со времени выхода моей "Организационной платформы" тайно работал в пользу большевизма, тайно разлагал анархическое движение, но так как моя многолетняя работа в ваших рядах не увенчалась успехом, то я сейчас срываю со своего лица анархическую маску и открыто заявляю о своем уходе в большевистский лагерь.

Ветеран анархического движения Э. Малатеста писал после выхода платформы, что людям, подобным Аршинову, не дают покоя успехи большевиков, а поэтому они стремятся не к устройству анархической революции, а к установлению анархической... диктатуры. Аршинов возмущен, конечно, за явлением Малатесты и говорит, что его уход в лагерь большевиков объясняется не завистью к большевикам, а полной несостоятельностью современного анархизма. "Думать и говорить так, — заявляет Аршинов, — значит не знать, чем рабочие больше всего жили, находясь в рядах анархизма. И этим незнанием и непониманием болеет не только Малатеста, но большинство теоретиков современного анархизма."

Что же этим хочет сказать Аршинов? Он хочет сказать, что если бы Малатеста, Неттлау, Грав и другие видные анархисты лучше знали анархизм (так, как знает его Аршинов) и чаяния рабочих, то они тоже отряхнули бы анархический прах со своих ног и начали бы служить верой и правдой Коммунистическому интернациона-

ду, а может быть поступили бы на службу даже в ГПУ для защиты "диктатуры пролетариата" от всех явных и тайных врагов. Почему же Аршинов стал поучать уму-разуму Малатесту, прожившего в рядах революционных рабочих свыше 50 лет? Да потому, видите ли, что Малатеста не знает трудящихся, не знает того, чем живут рабочие. Малатеста, Неттлау и другие ветераны анархического движения проповедают просто "анархизм", в то время как этот анархизм является какой-то фикцией. Подлинный анархизм, по мнению Аршинова, это не просто анархизм, а "анархизм рабочих." А этот "рабочий анархизм", неведомый Малатесте, по своей природе является не анархическим, а государственно-диктаторским. Поэтому, "рабочий анархизм" и выступает в защиту диктатуры пролетариата.

Так, приблизительно, Аршинов объясняет свой переход в лагерь большевиков. Но это, конечно, простая игра слов. 9 лет тому назад, когда Аршинов писал громовые статьи против русских анархо-большевиков, он говорил, что эти люди перешли к большевикам не по идейным соображениям, а просто потому, что они никогда не были подлинными анархистами, и что свои шкурные интересы они ставили выше идейных и общественных интересов. Аршинов называл этих людей (Новомирского, Забреева, Садомирского, Гроссмана, Шатова и других) самыми подлыми и низкими людьми и предлагал выметать их железной метлой из анархического движения.

Все это теперь нужно сказать и о самом Аршинове. Он, подобно вышеупомянутым лицам, ушел из анархического движения очевидно потому, что никогда не был настоящим анархистом и не знал анархизма; а если и знал его, то знал по изложению Плеханова, Ленина и ... Дзержинского. Не исключена также возможность и того, что он еще до выпуска своей платформы работал в анархическом движении в качестве большевистского агента.

О русской революции Аршинов пишет следующее:

"Русская революция 1917 года являлась

первым генеральным испытанием для анархизма. ... Необходимо было указать ближайшие этапы ее развития. Необходимо было предложить конкретный план ее осуществления и укрепил. Все это необходимо было тем более сделать, что в 1917 году зародилась новая сила, поставившая социальную революцию в порядок дня — большевизм. Последний выдвинул свою формулу социальной революции, которая во многом отличалась от формулы традиционного анархизма. Спор между анархизмом и большевизмом пошел о путях революции, о методах ее осуществления и защиты. И я считаю, что именно на этой почве анархизм понес жестокое поражение, от которого никак не может оправиться и последствием которого является упадок анархического движения во всех странах."

"В самом деле, — большевистская формула социальной революции, изложенная в брошюре Ленина "Государство и революция", — чрезвычайно проста и ясна: капиталистические классы и их государство ниспровергаются, собственность их отбирается в общенародное достояние, но физически и социально эксплуататорские классы остаются со всей силой своего сопротивления, со своими стремлениями и попытками реставрировать низвергнутый капитализм. Для подавления этого сопротивления и этих попыток победивший в революции рабочий класс создает систему диктатуры, которая защищает революцию на весь период социалистического строительства, вплоть до момента, когда буржуазия перестает существовать, как класс."

"Эту формулу социальной революции анархисты отвергли. Они исходили из той мысли, что создание в революции диктатуры, как государственной системы рабочего класса, неизбежно приведет к делению этого рабочего класса на властвующих и подчиненных, вызовет к жизни привилегии и монополии и возродит, таким образом, прежний строй политического и социального неравенства, против которого боролся порабощенный рабочий класс."

Подобную анархическую точку зрения Аршинов считает неправильной, несмотря

на то, что все предсказания русских анархистов относительно диктатуры пролетариата оправдались на 100%. Как известно, "диктатура пролетариата" давно уже выродилась в России в диктатуру над пролетариатом, в диктатуру коммунистической партии, вернее в диктатуру вождей этой партии. При этой диктатуре, вернее охлократии, в России существует такое же неравенство, какое существовало до революции, ибо как до революции существовали привилегированные классы и группы, так существуют они и сейчас.

Аршинов, однако, принимает целиком формулу Ленина, изложенную им в брошюре "Государство и революция", и повторяет вслед за Лениным, что подобные явления перестанут существовать в будущем ... когда перестанет существовать буржуазный класс.

Ленин написал свою брошюру в тот момент, когда в России быстро разрасталось анархическое движение и когда почва под диктатурой коммунистов сильно колебалась. Написал он свою брошюру, конечно, не для коммунистов, а для анархических дураков, пытаясь подкупить их разговорами о том, что коммунисты рассматривают диктатуру как временное явление, связанное с переходным периодом, и что конечной их целью является анархическое устройство общественной жизни. Так как диктатура находилась тогда еще в младенческом возрасте, то Ленин, конечно, мог говорить о ней что угодно. И некоторые анархические дураки поверили его заявлениям, что диктатура будет отменена после уничтожения буржуазных классов, и что коммунистическая партия приступит к постройке анархического общества.

Если бы к этим дуракам присоединился тогда и Аршинов, в этом не было бы ничего удивительного. Но он принял формулу Ленина не тогда, когда можно было заниматься гаданием по поводу ее правильности или ложности (брошюра Ленина была напечатана, кажется, в 1918 году), а много лет спустя, когда диктатура вылилась в самые чудовищные и отвратительные формы, когда она превратилась в подлинный

деспотизма, в то время как по формуле Ленина она должна отмирать наряду с отмиранием буржуазных классов. Если принять формулу Ленина, то нужно сказать, что раз в России не существует буржуазного класса (промышленников, помещиков, банкиров и коммерсантов), то не должно быть и диктатуры. Но мы хорошо знаем, что диктатура в России не отмирает, а укрепляется. Поэтому не приходится говорить о правильности формулы Ленина. Ленин и сам знал, что его формула — ложная, но он пользовался ею в качестве приманки для ловли анархических дураков. И если Аршинов принял эту ложную формулу только теперь, то это свидетельствует о том, что он либо никогда не был анархистом, либо является архи-дураком.

Если Аршинов не архи-дурак, то почему он в течение 14 лет отвергал эту формулу и разглагольствовал об анархизме? Почему он не присоединился к первым анархическим дуракам и предателям, перешедшим в коммунистическую партию в 1918 году? На эти вопросы Аршинов, к сожалению, не дает ответа, а поэтому трудно установить, кем он был до сих пор — архи-дураком или большевистским агентом.

Его брошюра свидетельствует только о том, что в настоящее время он является страстным защитником большевистской диктатуры и Чека. В своей брошюре он говорит не о своем банкротстве, а о банкротстве анархизма. "Пролетариат России это чуял, — пишет он, — поэтому он, в огромной массе своей, пошел не за анархистами, а пошел по пути организации классового господства труда над капиталом." По его мнению, "анархическое безвластие" (!) неосуществимо без диктатуры, без Чека, без физического истребления всех врагов революции. "Революционный анархист, — пишет Аршинов, — не должен отступать перед тем фактом, что система диктатуры означает систему власти и, следовательно, противоречит анархической теории безвластия. Следует всегда помнить о том, что и самые лучшие теории должны проходить через контроль жизни. Анархическая теория бесклассового и безвластного общества на

другой день социального переворота потерял за полное поражение, и в этом надо открыто признаться. В споре о роли пролетарского государства в революции прав оказался Маркс и Ленин, а не Кропоткин. Должно, однако, заметить, что и Кропоткин к идее пролетарского государства, в том смысле, как эту идею разработал Ленин в брошюре — “Государство и революция” — относился, по свидетельству Вл. Бонч-Бруевича, сочувственно.”

Аршинов, таким образом, предлагает анархистам стать государственниками, отказавшись от основных принципов анархизма и, под руководством Коминтерна, стремиться к захвату власти.

Нам понятно, разумеется, преклонение Аршинова перед Марксом и Лениным. Аршинов преклоняется перед этими “теоретиками” потому, что хочет выслужиться перед Сталиным и получить хотя небольшое вознаграждение за свою пудину работу (хотя 30 сребренников!). Непонятно только вот что: зачем Аршинову понадобилось ссылаться на Кропоткина и заявлять, что Кропоткин относился сочувственно к ленинской идее пролетарского государства? Неужели Аршинов думает, что среди анархистов найдутся такие дураки, которые примут за чистую монету его ложь, или болтовню В. Бонч-Бруевича?

Кропоткин до глубины души ненавидел большевистскую диктатуру со всеми ее варварскими институтами (подобными Чека) и заявлял своим друзьям, что большевики разрушат Россию и установят на ее развалинах такой деспотизм, какого не существовало на земном шаре со времени инквизиции.

Не выдерживает также никакой критики ссылка Аршинова на Бакунина. Бакунин высказывал мысль о революционной диктатуре не тогда, когда он был анархистом и принимал деятельное участие в Международном Товариществе Рабочих, а в конце сороковых годов, когда он был только бунтовщиком. Насколько Бакунин в последние годы своей жизни ненавидел всякую власть и всякую диктатуру, видно из того, что он

вел ожесточенную борьбу даже против абстрактной божественной власти. Можно ли в таком случае допускать мысль, что Бакунин признавал власть политическую и хотел стать диктатором? До такой глупости могут договориться либо архи-дураки, либо люди, не имеющие ни малейшего представления об отношении Бакунина к власти и государству.”

“Современные анархисты в массе своей, — пишет Аршинов, — отказались признавать эпоху диктатуры пролетариата, как историческую неизбежность. Этим они оторвали себя от процесса социальной революции и обрекли на бесплодное прозябание в своих малочисленных группах. Это отчетливо видно на судьбе русских анархистов. Несмотря на их самоотверженность, на бесчисленные жертвы, понесенные ими в революциях 1905-6 годов и в 1917 году, несмотря на необычайный революционный подъем рабочих и крестьян, устремлявшихся к социальному перевороту, русские анархисты не создали ни в рабочей, ни в крестьянской среде сколько-нибудь прочного анархического движения, не оставили следов своих идей.

“Встав в оппозицию к идее диктатуры пролетариата, они не противопоставили этой идее ничего самостоятельного и серьезного, что могло бы организовать массы на анархической платформе и повести их по анархическому пути. И не удивительно: даже между собою анархисты никогда не могли договориться до чего-либо определенного и однородного ни в идеологической, ни в практической области.”

В этом заявлении нет ни слова правды. Русские анархисты не оторвали себя от революции, как заявляет Аршинов, а принимали в ней деятельное участие. Анархическое движение в России в 1917 и 1918 годах развивалась с чудовищной быстротой. В одной только Всероссийской Федерации Анархистов в 1918 году насчитывалось свыше 5.000 членов. А сколько было в то время в России таких групп, о существовании которых не знали ни московские, ни петроградские анархисты? Ско-

лько было анархических крестьянских общин и промышленных анархических артелей? Аршинов, конечно, не видал этих групп, общин и артелей, ибо он не играл никакой роли в русском анархическом движении, за исключением махновского. Никто в России не знал Аршинова и Аршинов никого не знал. Поэтому он и заявляет, что русские анархисты не оставили следов своих идей в рабочей и крестьянской среде.

Русская революция не пошла по анархическому пути не потому, что анархисты отказались признать диктатуру пролетариата, а именно потому, что многие из них поддержали эту диктатуру и позволили ей укрепиться. Если бы в России не было этой диктатуры и анархисты, как и после февральской революции, имели возможность вести свою пропаганду среди рабочих и крестьян, то в настоящее время в России вероятно строилась бы общественная жизнь на анархических началах. Большевицкая же диктатура вероломно разгромила до основания русское анархическое движение и растоптала даже тех анархистов, которые рабски поддерживали и защищали ее. Аршинов, таким образом, умышленно искажает действительность и пытается сделать белое черным, а черное белым. Делает он это, несомненно, для того, чтобы оправдать какнибудь свое пресмыкательство перед той самой диктатурой, которая задушила русское анархическое движение.

Ошибка русских анархистов заключается не в том, что они не поддержали большевицкую диктатуру, а в том, что они не взорвали ее в первые дни ее существования и не очистили свои ряды от предателей, подобных Аршинову. Если бы они это сделали, то русская революция, несомненно, пошла бы по анархическому пути, и Россия сегодня была бы свободнейшей страной в мире.

В заключительной части своей брошюры Аршинов советует русским и европейским анархистам создать единый фронт с большевиками и пересмотреть свое отношение к диктатуре пролетариата и пролетарскому государству.

Это предложение заслуживает внимания. Анархистам, действительно, следует пересмотреть эти вопросы, если они не хотят повторять ошибок русских анархистов. И в результате пересмотра этих вопросов, они должны укрепить свои подлинно-анархические позиции и объявить священную войну не только разбойникам - большевикам с их диктатурами и государствами, но и тем предателям, которые известны в их рядах под именем анархо-большевиков. Этих реакционеров и врагов трудящихся нужно выметать железной метлой из анархического движения. Их место не среди анархистов, а среди чекистов, погромщиков и других темных сил, которые рано или поздно будут сметены трудящимися с лица земного шара.

Дельта.

АНАТОЛИЙ ГОРЕЛИК

ДЕНЬ ТРУДА

1 Мая — день трудящихся всего мира. В этот день все рабочие оставляют работу и высыпают на улицы городов. Одни, чтобы праздновать уже добытые от хозяев и власти улучшения и свободы; другие, чтобы протестовать против существующих еще насилья власти и капитала. Но все рабочие без исключения в этот день выбрасывают или повторяют свои лозунги о сокращении рабочего дня и новых улучшениях условий труда и работы. Только небольшая часть трудящихся уже осознала свое социальное положение и ставит в этот день своей задачей борьбу за полное переустройство общественной жизни на началах свободы и равенства для всех людей без исключения.

Сокращение рабочего дня, само по себе и нужно и полезно в современных общественных условиях. Добытие более человеческих условий труда для всех трудящихся — вещь необходимая. Но еще важнее это то, на что употребит трудящийся добытое им свободное время и как использует улучшение условий труда. Ибо свобода нужна человеку для чего нибудь и человеческие условия труда только тогда будут действительно полезными, если трудящиеся чувствуют в этом необходимость и потребность.

Ибо свобода и человеческое достоинство могут использоваться разное и для разных целей.

К великому сожалению, все эти лозунги о 8-ми или даже 6-ти и 4-х часовых рабочих днях более полезны сейчас капитализму, чем трудящемуся. Ибо трудящиеся, ставя своими повседневными задачами эти мелкие улучшения, не интересуются самым производством и видят в таковом не больше как возможность получить от хозяев больше крох от их стола. Ибо при капитализме трудящиеся не больше как рабы на день или на час. Труд для людей при капитализме не является целью для создания человеческих богатств, нужных и необ-

ходимых для людей продуктов, а только средство для получения нужного для своего жалкого существования, т. е. немного поспать и немного погулять.

В особенности сделали фетиш из сокращения рабочего дня и борьбы за мелкие улучшения социал-демократы и марксисты разных оттенков.

Рабочие массы, находящиеся под влиянием марксистов, окончательно обезличены и все их интересы сводятся к поддержанию своего жалкого существования и поддержки капитализма в его стремлении увековечиться. Интересы производства и обмена и вообще социальные проблемы мало интересуют эти массы.

Эти массы своей мелкой борьбой за свои личные дневные интересы как бы хотят сказать: мир неизменяем, социальные и экономические взаимоотношения могут быть изменены только какой-то высшей силой помимо воли человека и что, кто родился рабом, тот рабом и останется.

И свою, так называемую, свободу они употребляют не на возвышение своей личности и на творчество новых моральных и общественных основ для лучшего будущего, а на копирование своих хозяев, на пьянство, разгул и разврат.

Животное ищет питания, чтобы жить; современный человек работает, чтобы спать и насыщаться. Но сознательный человек не может удовлетворяться сном и насыщением. Он не работает для того, чтобы жить, а живет для того, чтобы работать и творить, создавать новые ценности и даже новые лучшие взаимоотношения между людьми.

Поэтому идеи отдыха и насыщения, внедряемые марксистами в умы масс, и вредны и регрессивны. Прогресс творится творчеством людей, а не их разгулом, развратом и насыщением.

Только рабским положением трудящихся может объясниться принятие трудовыми

массами таких античеловеческих и анти-социальных и регрессивных идей. Удовлетворение потребностей есть для человека необходимость, но ни в коем случае не цель; средство, но не творческое устремление. Человек работает, ибо труд есть для него естественная потребность, необходимость проявлять себя, выражаться, творить.

Но в капиталистическом обществе труд превращен в проклятие, в несчастье, в наказание. И кто работает знает только нужду, голод, холод и лишения, а кто не работает, — пользуется всеми материальными благами. Трудовая часть человечества думает только о напряжении своих усилий и рабском труде, а не трудовая — о продуктах труда и их использовании. Первые валятся в постели, как камни, от чрезмерного труда, а вторые — от пьянства и разгула.

Горе человечеству, в котором одни умирают от голода, а другие — от обжорства; одни не могут быть полезными жизни из-за недостатка, другие — из-за излишеств.

Мыслящие и сознательные люди не могут проповедывать сокращение рабочего дня для того только, чтобы насыщаться и разгильдяиваться. Они хотят и должны стремиться к созданию новых условий для изменения личности человека; для того, чтобы труд из рабского превратился в добровольный, из проклятия в радость жизни для человека. Ибо только тогда, когда работа превратится в искусство и каждый человек полюбит свою работу, как артист свое искусство, когда работа станет радостью творчества, люди поймут всю красоту жизни и все величие и значение труда.

Тогда люди, вместо того, чтобы высчитывать количество часов труда для удовлетворения потребностей человека, займутся пробуждением в человеке его творческих инстинктов, его стремлений к самопроявлению, и любви к творческому созданию.

А также люди не потерпят ни насилия,

ни рабства и будут верными и истинными творцами великого будущего человечества. И творческое сотрудничество станет основой их деятельности и жизни.

Такие люди, сначала в ограниченном количестве и уже в капиталистическом обществе, начнут давать ростки нового свободного человеческого будущего. Как плоды вырастают из семян, так и новое общество должно будет произрости из семян настоящего. Но только те зерна способны превратиться в ростки будущих растений, которые имеют здоровое нутро и которые способны и могут рваться на свободу и на солнце.

Будущее свободное общество смогут строить только те, кто нуждается в свободе и в свете солнца, и рвется и стремится к ним; те, кто, осознав все проклятие рабского труда и рабской жизни, будут стремиться к труду свободному и творческому, к вольной и радостной жизни.

Свободное общество, для того, чтобы начать произрастать из капиталистически-рабского общества, нуждается именно в таких людях с избытком жизненной энергии, любящих и рвущихся к творческому труду, не останавливавшимся ни перед какими трудностями. Людей, которые не интересуются количеством часов работы, а горящих творческим духом, рвущихся к труду и любящих труд; одним словом, людей готовых работать не считая часов, не останавливавшихся перед тяжестью работы; людей, любящих работать и видящих в труде радость творчества, а не проклятие.

И, именно поэтому, задача всех сознательно мыслящих людей, внедрять в сознание масс в этот день труда любовь к творческому труду, к работе и к самопроявлению; пробуждать в массах стремление не к сокращению часов рабского труда, а к замене рабского труда трудом вольным и творческим, основанным на взаимопомощи, равенстве возможностей, терпимости, свободе и любви.

Анатолий Горелин.

Ф. ДРУГОВ.

Анархисты в Петербурге в 1917 году

"ДАЧА ДУРНОВО".

В первые дни революции петербургские анархисты захватили "дачу Дурново" на Полуостровской Набережной, Выборгской стороны. Дача Дурново приобрела впоследствии широкую популярность. Она являлась главным штабом анархистов в полном смысле этого слова. Эта дача служила притягательным пунктом, где сосредоточивались не только петербургские анархисты, но и все возвращавшиеся в Россию из эмиграции анархисты, главным образом из Америки.

Выбор именно этой дачи для анархистского центра в Петербурге был сделан не случайно и имел глубокий политический смысл. Имя Дурново было слишком памятно для рабочих Петербурга еще со времени революции 1905 года. Это имя было тесно связано с кровавой расправой над рабочим движением в 1905 году и произносилось в рабочей среде с ненавистью. Поэтому захват дачи Дурново в глазах рабочих являлся актом не только законным, но и революционным.

Дача была расположена в самом сердце рабочего района с многочисленными фабриками и заводами. К ней прилегал громадный парк, который анархисты сразу же открыли для всеобщего пользования. Пустынный до того времени и строго охраняемый сторожами парк наполнился пролетарской детворой, с радостью перекочевавшей с пыльных улиц и воюющих дворов в тенистое логово вековых деревьев, служивших хорошей защитой от заводской копоти и уличного шума. Рабочие приняли этот парк как дар от анархистов. По праздникам целыми семьями они проводили свой отдых в парке. Анархисты не упускали случая использовать благоприятные настроения рабочих и развили усиленную агитацию. С утра до поздней ночи в парке велись анархистские проповеди, пользовавшиеся полным сочувствием слушателей. Контр выступления представителей других партий встречались вначале холодно, а впоследствии даже рез-

ко враждебно. Если большевистские ораторы иногда имели возможность выступать, подделываясь под тон анархистов, то эсеровским и меньшевистским ораторам не позволяли там открыть рта.

Выступление 10-го июня.

В связи с подготовкой Керенским наступления на фронте и шовинистической пропагандой Временного Правительства назревала угроза военной диктатуры.

Для обсуждения создавшегося положения анархистами была созвана на даче Дурново конференция представителей фабрик и заводов. На эту конференцию кроштадтские матросы прислали свою делегацию во главе с Ропалем и Железняковым с обещанием всемерной поддержки питерским рабочим в их борьбе с буржуазным Временным Правительством.

На конференцию были приглашены представители некоторых воинских частей Петербургского гарнизона.

Результатом конференции явилось создание революционного комитета для руководства восстанием против Временного Правительства, начало которого было намечено на 10-го июня. Приняв такое решение, все участники конференции разехались по заводам и казармам с призывом выступить 10 июня на демонстрацию с оружием. На даче Дурново был оставлен штаб, который поручил разработку технического плана восстания полковнику, примыкавшему к анархистам. Ленин, находившийся во дворце Кшесинской, узнав о том, что анархисты готовят выступление, прислал для переговоров с ними представителей Ц. К. партии большевиков. Большевики убеждали анархистов не делать вооруженного выступления, а ограничиться простой демонстрацией революционных сил. Они ссылались на то, что массы не подготовлены и поэтому переворот не удастся. Анархисты обличали нерешительность большевиков тем, что те не имели еще достаточного влияния

в рабочих массах и потому опасались, что анархисты, как инициаторы переворота, увлекут за собой массы недовольных туманной тактикой Врем. Правительства и захватят движение в свои руки. Учитывая бунтарское настроение масс, анархисты были настойчивы и вынудили большевиков дать обещание выступить совместно. Однако накануне назначенного для выступления дня большевики вдруг неожиданно опубликовали обращение Ц. К. партии большевиков с призывом к рабочим не участвовать в выступлении 10 июня, организуемом анархистами и ждать призыва к выступлению от большевиков. Такое поведение большевиков вызвало возмущение среди рабочих. Большевицких ораторов клеймили как предателей и сопровождали свистом и угрозами на рабочих собраниях. Отряд кронштадтских матросов, прибывший в Петербург для участия в выступлении, был не менее возмущен изменой большевиков. Ромаль неоднократно ездил к Ленину и доказывал, что выступление матросов предотвратить невозможно. В конце концов, подчиняясь воле матросов, Ромаль, вопреки постановлению Ц. К. большевиков, остался с матросами и принял участие в выступлении.

Несмотря на все старания анархистов, выступление 10 июня не достигло тех результатов, которых желали анархисты.

Демонстрация приняла массовый характер и имела вынужденный вид, но все же оказалась слабее контр-демонстрации, организованной Врем. Правительством. Большевики оказались правы, отказавшись от выступления, ибо они не хотели рисковать своим положением, не будучи уверены в успехе выступления. Ц. К. большевиков оказался более осведомленным о соотношении сил в тот момент и о мероприятиях Врем. Правительства, нежели штаб анархистов.

Освобождение политических из Крестов.

При возвращении демонстрации группа анархистов с черными знаменами подошла к главным воротам одиночной тюрьмы "Кресты" на Арсенальной набережной и потребовала от начальника тюрьмы освобождения нескольких заключенных, согласно пре-

дъявленному ему списку, который был заранее составлен. Начальник тюрьмы не долго колебался, видя в руках анархистов бомбы, которыми они собирались взорвать ворота и ворваться в тюрьму; он попросил представителей анархистов в тюрьму и предложил им самим увести из тюрьмы тех заключенных, которые им нужны. Пока представители анархистов собирали по различным камерам заключенных, на Литейном Мосту показалась колонна пулеметного полка (большевицкого). Анархисты выслали навстречу полку делегацию. Делегация оставила полк и убеждала его присоединиться к анархистам для освобождения политических заключенных, в том числе и их бывшего вождя-большевика Х. Полк некоторое время колебался, но затем раздается команда командира: "Полк! левое плечо вперед, шагом марш!" Полк подошел к тюрьме, встреченный криками "Ура!" В это время из ворот тюрьмы выходили уже освобожденные. Солдаты схватили на руки своего бывшего командира и понесли в казармы. Остальные арестованные под охраной анархистов направились к даче Дурново. Но по дороге, незаметно для окружающих посторонних зрителей, все они рассеялись кто куда хотел. Колонна анархистов, доставив знамени на дачу Дурново, также разошлась по домам. На даче остался один лишь анархист Асин для охраны, ввиду предполагаемого налета на дачу со стороны Вр. Правительства, в связи с освобождением заключенных из тюрьмы.

Осада дачи Дурново

Вр. Правительство предполагало, что освобожденные из тюрьмы находятся на даче Дурново под защитой анархистов и решило применить против них решительные меры. Для осады к даче Дурново были двинуты две сотни казаков и рота пехоты с пулеметами. Под покровом ночи войска оценили дачу плотным кольцом. Дача была погружена во мрак. Лишь в гостинном зале горел свет: там дремал Асин. Комиссар Вр. Правительства в сопровождении отряда спешивших казаков постучал в двери. Асин спал и не слышал, как взломали входную дверь

на парадном крыльце. Его разбудил шум раздавшихся шагов в коридоре, ведущем к гостиной. Схватив в обе руки по гранате, он выбежал в коридор навстречу идущим. Комиссар Вр. Правительства потребовал выдать освобожденных из тюрьмы заключенных. Асин заявил, что никого на даче нет, кроме него и предложил казакам немедленно покинуть дом анархистов. На требование комиссара Вр. Правительства допустить казаков для осмотра здания Асин заявил, что никого не допустит в помещение и что проникнуть в дом они могут только перешагнув через его труп. Предупредив, что при первой попытке приблизиться к нему, он будет бросать бомбы, Асин угрожающе поднял вверх бомбы. Казаки подняли винтовки "на изготовку" и по приказу комиссара двинулись вперед. В этот момент Асин бросил к их ногам бомбу. Бомба не взорвалась, но казаки опешили и спрятались за выступами корридора. С поднятой бомбой Асин стоял против корридора, не позволяя казакам высунуть головы.

Убийство Асина

Натолкнувшись на такое препятствие и не желая напрасно рисковать, казаки атаковали Асина с тыла. Один из казаков, взобравшись на плечи другого и поднявшись до приоткрытого окна гостиной, где находился Асин, осторожно просунул дуло винтовки в окно и выстрелил... С пробитой грудью Асин распластался у порога. Путь в дом стал свободен, но, действительно, через труп Асина. Осмотрев дачу, взломав все чуланы и шкафы и не найдя никого и ничего, казаки покинули дачу. Утром я заехал на дачу Дурново и нашел Асина в луже крови. Пол гостиной был затоптан кровавыми следами. Около трупа стояли два анархиста, мрачно склонив обнаженные головы. Дача являла картину дикого погрома: многие двери были взломаны, вещи валялись в беспорядке; книжный шкаф Дурново был взломан и книги разбросаны по полу. Пуля, пронизав тело Асина, врезалась в трюмо над камином. Как то не верилось, что все эти действия были произведены представителями законной власти, по ее приказу. Вид дикого разгрома создавал впечатление,

что тут действовала преступная банда, спешившая закончить свое злодеяние до рассвета. Рабочие ближайших заводов, направляясь утром на работу, могли захватить преступников на месте преступления. Убийцы спешили во время укрыться. Совершив убийство, они не позаботились даже убрать труп, оставив его в пустом доме. Убив единственного сторожа дома, полного художественных ценностей, представители Вр. Правительства не позаботились поставить охрану. Мало того, они не констатировали надлежащим образом смерть Асина в момент после совершения убийства. Ведь Асин мог быть лишь тяжело ранен и нуждаться в медицинской помощи. Разве не является это простым убийством!

Весть о разгроме дачи Дурново быстро разнеслась по городу. К даче потянулись толпы рабочих. Труп Асина был выставлен для обозрения в парке перед дачей в течение нескольких дней. Над ним была устроена трибуна, с которой с утра до ночи говорили речи, поджигая рабочую массу против Временного Правительства и его палачей - казаков. Окровавленная шапка Асина наполнялась медаками рабочих на похороны жертвы Вр. Правительства. Асина похоронили рабочие. Подобным безумным актом Вр. Правительство окончательно скомпрометировало себя в глазах рабочих масс и возродило в памяти рабочих кровавую роль казаков в событиях 1905 года. Получившая кличка 1905 года "опричники" вновь ожила для казаков. В результате рабочие вновь увидели казаков в роли полицейских усмирителей рабочего движения. Ненависть к казакам росла и в солдатской среде и вылилась в дни 3-4-го июля в кошмарный расстрел казаков на улицах Петербурга, который окончательно убедил казаков в оторванности их от народа. В казачьих низах началось движение протеста против использования казачьих частей для полицейских целей. С этого момента казаки окончательно отказались от вооруженного вмешательства в гражданские споры населения, заявив себя братьями народа.

Ф. Другов.

ВАНДА СВИДА.

СВОБОДА И САМООБРАЗОВАНИЕ

Понятие свобода занимало умы человечества на протяжении многих веков. Многие философы писали на тему о том, что такое свобода, как она определяется и в чем заключается. История полна эпизодами борьбы подчиненных классов общества за равенство и свободу. Рабы древнего мира рвались к свободе, типичным в этом отношении было восстание Спартака в Риме. Крестьяне в средние века устраивали бунты и восстания против крепостного права. И со времени Великой Французской Революции история полна восстаниями, революциями и всякими проявлениями стремления к свободе.

Философы говорят о свободе как о чем то существующем, как конкретный факт. Свобода является идеалом для поработенного человечества, чем то, к чему нужно стремиться и за что нужно бороться. Принято понимать свободу, как внешнее взаимоотношение людей, которое будет служить панацеей от всех бед. Свобода — спасительница человечества, символом которой служит статуя на небольшом острове в ньюоркской гавани. Это статуя женщины — благотворительницы, всеобъемлющей, всеобещающей, со светлым факелом надежды в простертой руке. Статуя свободы стоит как символ той страны, куда рвались миллионы людей, жаждущих освобождения. Люди эти искали свободы, стремились к ней и глубоко было их разочарование, когда свобода эта не нашлась.

А в то время, как многие проливали кровь за свободу, беззаветно отдаваясь надеждам и мечтам о лучшем человеческом обществе, философы и ученые мира развивали и писали теории, чтобы представить теоретически понятие о свободе и то, что она собою представляет. Тут были народные поэты, которые, на подобие Некрасова, воспевали "доглотерление народа" и его грядущую свободу. Тут были теоретики социальных и экономических идей, провозглашавшие тот или иной общественный

строй, как спасение от всех зол. Философы придумывали целые философские системы, признавая или отвергая "свободу личности", "свободу действия", "свободу выбора" и т. д. И очень приходится удивляться, что после всей этой теории и практики мы оказались очень далеки от того, что принято называть свободой.

В Америке демократизм, который сулил столько хорошего лишь полтора столетия тому назад, оказался безжизненной бумажной фикцией. Во многих странах Европы и Южной Америки политические диктатуры убили всякое проявление гражданских свобод. Личность человека поработена в Советской России больше, чем в какой либо другой капиталистической стране. Мир стоит под тяжелым напором консерватизма и репрессий. Где же свобода? Ее нет. Нет ее в современных системах государственной власти, нет ее в экономических взаимоотношениях, нет ее в праве на выбор работ и занятий в связи со вкусами и потребностями человека, нет ее в праве на самостоятельное мышление. Свобода сегодня называется книжным понятием, не привившимся к жизни, несмотря на то, что во имя ее были понесены неисчислимые человеческие жертвы. Стоя у руля разбитого судна, человечество задумывается, куда идет его путь. Сейчас больше чем когда-либо раньше печатаются книги, которые стремятся к переоценке ценностей и к пониманию того, что, собственно говоря, сейчас происходит. Может быть стоит и в самом деле остановиться и задуматься — куда мы идем и затрачиваем ли мы наши силы производительно?

Прежде всего необходимо пересмотреть понятие о свободе. До сих пор мы старались достичь свободы через преодоление разных препятствий, которые казались стояли между нами и тем, что мы принимали за свободу. Французские революционеры хотели устранить власть феодализма, русская революция хотела сбросить капиталистиче-

ский строй, Жан Жак Руссо искал свободу от цивилизации, Джон Стюарт Милль желал освободить людей от тисков общественного мнения. Одним словом, мы старались достигнуть свободу, убегая от насилия какого-нибудь внешнего влияния. Вся эта внешняя борьба почти никогда не венчалась успехом. Причиной этому служит то, что, разрушая преграды, люди не в силах были создавать что-нибудь на их место. Борьба, предшествовавшая Французской Революции, была полна возмущения несправдливостью. Революционеры тратили все свои силы на то, чтобы провалить старый режим. Но когда великое дело свершилось и революция восторжествовала, то те личности, которые сделали ее возможной, быстро же разложились, и Франция имела много переворотов правительств за несколько лет, кончив в конце концов диктатурой Наполеона. Не многим отличается ход событий в Революционной России. Те же люди, которые проводили годы в тюрьмах и ссылке, сегодня являются активными участниками в диктатуре меньшинства.

Представим себе человека, достигшего полной внешней свободы. Он живет в обществе, где только с ним считаются и только его мнения имеют вес. Может быть это ему и приятно, но для других-то людей эта свобода назвать нельзя. Да такая вещь вообще невозможна. Даже Робинзон Крузо на диком острове должен был считаться с людоедами, а то бы они оставили от него только рожки да ножки. Поскольку мы живем в человеческом обществе, постольку мы являемся его интегральной частью и не можем поступать исключительно считаясь с собой, не подорвав прав на жизнь и свободу других личностей.

Человек не может пересилить природу. Мы живем в естественной среде, которая называется обществом. Если это общество нам не нравится, мы не спасем положения, закрывая глаза на его недостатки, или признавая его. Наоборот, нужно сознать, изучать и понимать действительность. Если мы решаем бороться за лучшее общество в соответствии с нашим идеалом и понимани-

ем, мы мало успеем, если посвятим себя исключительно только внешней борьбе. Нужно помнить, что каждая революция имеет завтрашний день. И что тогда делать? Готовы ли мы жить новой жизнью и нести новые, никогда не испытанные, обязанности? Достойны ли мы свободы?

Если наше понятие свободы ограничивается ее внешним пониманием, то, безусловно, новому обществу не назвать себя свободным. Свобода не может быть от чего-нибудь внешнего, а может быть только с самим собой, заключааясь в понимании жизни и способности дать оценку ее проявлениям. Со свободой человек не рождается, она не дар, а приобретается при помощи долгого труда над самим собой в процессе приобретения знаний и понимания. Мы не можем получить свободу внезапно, мы должны сродниться и сродиться с ней. Она есть процесс роста и расширения человеческой личности. Многие люди, ища ее извне, требуя ее от общества, никогда ее не находят. Мир полон этих несчастных искателей, которые жаждут свободы и ищут ее влду, но не в самом себе.

Первым шагом к свободе, это понимание самого себя. Нужно понять, что нас удручает, беспокоит, почему мы живем так, а не иначе, каковы те законы и обстоятельства, которые влияют на нашу личность. Почему то принято, что человек скорее займется изучением неба и звезд, чем изучением своего собственного "я.". Многие затруднения и личные недомогания можно устранить при помощи понимания самого себя. К сожалению, у нас много разных неокверканных человеческих личностей, которые не в состоянии прямо смотреть в глаза своему изображению в зеркале, а претендуют переделать общество к лучшему. Прежде чем начать созидательное социальное строительство, надо создать лучшую человеческую личность, которая бы служила кирпичом для нового строения. Воспитание детей и перевоспитание взрослых для этого необходимы.

Только те люди могут быть свободными, которые знают свои силы и способности;

которые умеют применить таковые; которые ищут путь в жизни, где бы их способности могли быть применяемы с наибольшим успехом; наконец, свободный человек должен уметь направить самого себя, жить и дать другим жить.

Свобода — где ее искать? Еще не была она найдена как действительно существующая конкретная ценность. Кажется, что до сих пор она увлекала воображение отдельных личностей и народов, но, благодаря неумению ею пользоваться, она испарялась в руках тех, кто думал, что ее поймал, подобно заколдованной сказочной игрушке. Синюю птицу нужно искать недалеко. Она тут, доступна почти каждому человеку и нужно начать поиски с самого себя.

Поговорив о свободе и о том, как мы ее понимаем, мы теперь перейдем к вопросу об образовании для того, чтобы достичь свободы.

Прежде всего подумаем о том, что принято понимать под словом образование. Образование в нашей современной цивилизации очень часто смешивается с понятием о школе. Школа есть то учреждение, которому мы доверяем наших детей, чтобы они приобрели те знания, которые человечество накопило за многие годы. Мы сейчас живем в век широкого распространения школ. Никогда раньше не было такого огромного количества школ и такого разнообразия в их предназначении. Сейчас в Америке не только существует бесплатная школа для всех детей в возрасте по крайней мере до четырнадцати лет, но также имеется безчисленное множество специальных школ, в которых можно научиться всяким ремеслам и занятиям. Есть, например, школы для полицейских и пожарных, школы для всех отраслей строительного и слесарного дела, для закройщиков кожи, сукиа и пр. материй и даже школы, как учить говорить попугаев. До этого развития специальных технических школ, понятие о школе было как об учреждении, где преподавали науки и разные основы человеческого знания. Теперь школа преподает не только науку и грамоту, но также и разные прикладные

знания. Еще сравнительно недавно, когда школ было мало и они не были общедоступны, существовал некоторый престиж для тех, которые имели школьное образование. Оно как бы возносило человека на высшую общественную ступень. Уважение было велико перед грамотностью и ученостью. Сегодня же можно быть невежественным во всех отношениях и все же кончить курс хотя бы по научной чистке сапог. Средневековое образование, пережитки которого еще сейчас существуют в современной консервативной школе не прогрессивного типа, было полно отвлеченных наук и мертвых языков; все содержание этого учения сводилось к предметам ничего общего с жизнью не имеющим. Поэтому человек с "законченным" образованием всегда претендовал, что он стоял выше необразованного большинства. Нынче содержание школьного преподавания более применимо к жизни и имеется тенденция сделать его исключительно практическим.

Причиной этому служит утилитарная философия, которая характеризует современную жизнь. Только то сегодня признается за ценность, что приносит пользу. Польза может оправдать любой предмет, поступок, любую идею. При оценке духовных ценностей их измеряют главным образом с точки зрения пользы, дохода и, в конце концов, меридом долларов. Очень часто родители, посылая детей в школу, вычисляют сколько им придется затратить и какой, в конечном результате, получится доход. Огромное множество молодых людей отравляют себе лучшие годы юности при сознании, что их высшее образование не по силам родительскому карману. Они с горечью проглатывают горькую пилюлю четырехлетнего университетского курса, спешат окончить в ущерб знаниям, для того, чтобы устроиться на службу и заработать деньги. Выбор специальности в огромном большинстве случаев диктуется экономической выгодой. Не существует наука для культурного развития, а лишь школьные "предметы" под номерами каталога, которые "нужно" проходить поневоле. Какой осадок

может остаться у молодого человека от такого образования? Не похоже ли оно на тренирование животных в зверинце или цирке?

Мелкие школы, основанные на коммерческих началах, открыто продают свой товар. Интересно последить за их объявлениями. Они за небольшую плату сулят учащимся все мирские блага. Вот, напр., объявление одной школы, которая обещает безболезненно развить хорошую память. Это школа мнемоники; она доказывает, что хорошая память принесет вам в будущем столько то долларов и сентов. Вот еще объявление школы коммерческих наук. Начинается оно с фразы, напечатанной крупным шрифтом: "Не хотите ли заработать 75 долларов в неделю?" Какая канцеляристка на 16-ти долларовом окладе не захочет? Много можно привести подобных примеров, но мы этим ограничимся, ибо считаем, что коммерческая тенденция современного школьного образования очевидна.

Каков же результат вышеуказанного отношения к образованию? Результат — это массы людей без всякого образования, слепых к тому, что их окружает в мире, не могущих разобраться ни в самих себе, ни в окружающей их социальной неразберихе. Результат — это массы людей, допустившие, чтобы их обманывали и эксплуатировали ими, людей, допустивших вопиющее общественное неравенство современного распределения благ.

Мы имеем цивилизацию, которая научилась производить так успешно, как никогда прежде человечество не умело производить, но цивилизацию, которая просто невежественна до идиотизма, когда дело доходит до распределения и потребления благ. И главной причиной этому служит та система воспитания, которую мы имеем, система образования, выбросившая за борт все культурные ценности духа и продавшаяся золотому тельцу.

Нет, подлинная культура не может быть купленной на вес золота. Это можно купить университетский диплом в настоящее время за, скажем, четыре тысячи долларов,

но истинного образования не купишь за никакие деньги. Помните, как один старичок хранил небольшого формата полное собрание сочинений поэта Уитмана. Он любил и делал эти книги, читал и перечитывал их, и трогательно поправлял разрывающиеся страницы. Этот старик не продал бы эти книги ни за какие деньги и не понял бы он также как можно купить образование.

Но если мы осуждаем образование в том виде, как оно преподносится нам современной школой, каково же будет то образование, за которое мы стоим?

Прежде всего образование должно быть целью и смыслом жизни, оно должно быть самой жизнью. Это не что-то внешнее, подобно лаку, которым можно вымазаться со всех сторон, а оно должно стать плотью от нашей плоти, кровью от нашей крови.

Мы истинно убеждены, что только через образование лежит путь к свободе, даже, больше того, свобода и образование — понятия тождественные.

Истинное образование — это самообразование. Оно заключается в понимании в процессе интеграции приобретаемых знаний с человеческой личностью. Человек, который набрал много информации, еще не может себя назвать образованным до тех пор, пока он не приобщит все эти знания к своему собственному "я". Знать — это еще недостаточно, нужно понять то, что знаешь. Цитировать мудрость других это может сделать машина, а понять эту мудрость и выработать к ней свое отношение, свою точку зрения может лишь думающий человек. Сознательное отношение к жизни дает совершенно новое значение последней. Факты принимают другую окраску, открываются такие глубокие понятия, значения и зависимости, которые раньше не существовали. Образование не может быть пассивным процессом, в котором объект не принимает участия. Когда то в детстве мы клали книгу под подушку и думали, что за ночь ее содержание укрепитя в нашей голове безболезненным путем. Чтобы само-

образоваться нужно трудиться, работать, тягело работать. Но стоит потратить энергию на самообразование, которое ведет к свободе.

Поняв самих себя, мы прежде всего освободимся от тирании нашего невежественного "я". Мы освобождаемся от страхов, колебаний, неуверенностей и внутрен-

них конфликтов. Это дает нам возможность направить наши творческие силы на плодотворную общественную работу.

Самообразование никто нам не может дать, мы его должны взять сами. Только люди, понимающие действительность, будут в состоянии ее переродить.

Ванда Свида.

ОТЧЕТ ФЕДЕРАЦИИ ГРУПП "ПРОБУЖ- ДЕНИЕ" ОТ 1-ГО ДЕКАБРЯ 1931 Г. ПО 1 МАЯ 1932 ГОДА

Приход за "Пробуждение":	
Нью Йорк — Кр. Д. Свободы	16.35
Кливланд — А. Громико	1.50
Гартфорд — М. Лавренюк	3.00
Бруклин — М. Вербская	2.40
Балтимор — О-во "Самообразование"	5.50
Бостон — С. Разуменко	4.00
Канада — С. Филипов	2.00
Канада — И. Шкалюк	4.00
Струтор — С. Меднич	3.00
Филадельфия — Н. Гринюк	3.50
Нью Кестл — т. т. М. Осипук и Д. Семенюк	3.75
Гери — Н. Гвай	1.50
Эмбридж — П. Руль	1.50
Канада — С. Сак	1.75
Рочестер — Львович	1.00
Гамилтон — Группа	5.00
Торонто — Группа	3.60
Винзор — Союз "Самообразование"	2.75
Всего	66.10

Добровольный фонд:

Нью Йорк — Кр. Д. Свободы	20.00
Авока — А. Ходневич	1.00
Ниагара Фоллс — И. Леник	2.00
Лейсинг — Н. Иванов	5.00
Интерн. Фоллс — И. Степовой	3.25
Фрайдел — С. Кравчук	5.00
Ниагара Фоллс — Р. Маловичко	1.00
Всего	37.25

Подписные листы:

Нью Йорк, номер 30	5.50
Гамилтон, Канада, номер 31	16.50
Балтимор, ном. 32	19.00
Гартфорд, ном. 34	3.00

Всего — 44.00

Приход из Детройта, Мич.:

Подписной лист ном. 44	19.60
За "Пробуждение"	15.90

В фонд:

И. Нестерук	5.00
П. Ковальчук	3.00
Евзиков	1.00

Всего — 44.50

Подписка на "Пробуждение"	9.00
Переходная сумма	4.95

Итого приходу — 205.80

Расход:

Перевод статей	54.50
Сотрудники	25.00
Почтовые расходы	16.59
Надание журнала	95.00

Всего — 191.09

Общий приход — 205.80

Общий расход — 191.09

Остаток — 14.71

КОМИССИЯ:

Соколович
А. Демчук.

Открыта подписка НА ЖУРНАЛ ПРОБУЖДЕНИЕ

Орган свободной мысли, издающийся Федерацией групп
“Пробуждение”.

ЖУРНАЛ ПОСВЯЩЕН ВОПРОСАМ: ПОЛИТИКИ, ЭКОНОМИКИ, ОСВОБОДИ-
ТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ, НАУКИ, ФИЛОСОФИИ, ИСКУССТВА, ЛИТЕРАТУ-
РЫ И КРИТИКИ.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ:

НА ГОД — 1 ДОЛЛАР 75 СЕНТОВ. НА ПОЛГОДА 1 ДОЛЛАР

ПОДПИСКУ, ВСЕ ЗАКАЗЫ И КОРРЕСПОНДЕНЦИИ ПРОСЯТ АДРЕСОВАТЬ:

“PROBUZHDENIE”

9219 Russell Street, Detroit, Michigan

.....

ПРОСЬБА К ТОВАРИЩАМ.

Ничто так не оживляет и не связывает чита-
теля с журналом, как различные сообщения с
мест о том, что происходит на фабриках, в шах-
тах, рабочих организациях и т. д.

Редакционная Коллегия “Пробуждения” про-
сит поэтому товарищей присылать нам краткие
сообщения, заметки и корреспонденции об анар-
хическом и рабочем движении.

Мы также просим, товарищи, вашего содей-
ствия по распространению журнала, подыска-
нию новых подписчиков, и об оказании ему ва-
шей моральной и материальной помощи.

Только при дружной товарищеской поддержке
журнал сможет выходить регулярно, и выпол-
нять возложенную на него миссию распростра-
нения безвластнических идей свободы и меж-
дународного братства людей.

С товарищеским приветом

Редакционная Коллегия.